

НОВЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 3 (795)

Март, 1991 г.

УЧРЕДИТЕЛИ: ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ФОНД СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР, ЦЕНТР «НОВЫЙ МИР»

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ФЕДОР ЯРЦЕВ — Солдаты-призраки, стихотворение	3
ВАСИЛИЙ БЕЛОВ — Год великого перелома. Хроника девяти месяцев	4
ОЛЬГА НИКОЛАЕВА — Из твоих рук, стихи	45
МАРИНА ПАЛЕЙ — Кабиря с Обводного канала, повесть	47
ВЛАДИМИР ЛОБАС — Желтые короли. Записки нью-йоркского таксиста. Окончание	82

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

МИХАИЛ ЗЕНКЕВИЧ — Невидимая свирель, стихи. Публикация и подготовка текста С. Е. Зенкевича	134
--	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

ВИКТОР ЯРОШЕНКО — Энергия распада. Очерки политических обстоятельств 1989—1990 годов	137
--	-----

РЕЛИГИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

СЕРГЕЙ ФУДЕЛЬ — Воспоминания. Публикация и подготовка текста Н. Плотникова. Предисловие Владимира Воробьева	188
---	-----

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

	Стр.
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
ПЕРЕПИСКА В. В. РОЗАНОВА И М. О. ГЕРШЕНЗОНА. 1909—1918. Вступительная статья, публикация и комментарии В. Проскуриной	215
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
ВЛ. НОВИКОВ — Освобождение классики	243
ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ	
А. ФЕНЬКО — Ау, родина, где ты?..	251
С. Н. НОСОВ — Сны культуры	252
РУССКАЯ КНИГА ЗА РУБЕЖОМ	256

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

- ВАЛЕРИЙ ПИСКУНОВ. **Чью душу желаете?** Повесть.
- ВАСИЛИЙ БЕЛОВ. **Год великого перелома.** Хроника девяти месяцев. Часть вторая. Окончание.
- ДАМА В ЗЕЛЕНОМ. Из поэзии английского Возрождения. Перевод Григория Кружкова.
- С. И. ФУДЕЛЬ. **Воспоминания.** Окончание.
- П. Б. СТРУВЕ. **За свободу и величие России.** Статьи. Заметки. Письма.
- П. ВАЙЛЬ, А. ГЕНИС. **Страна слов.**
- П. ПЭНЭЖКО. **На семи оврагах.**
- ВИКТОР ЛЕГЛЕР. **Уроки кооперации.**
-

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

ПЕРЕПИСКА В. В. РОЗАНОВА И М. О. ГЕРШЕНЗОНА. 1909—1918

Переписка Василия Васильевича Розанова (1856—1919) с Михаилом Осиповичем Гершензоном (1869—1925) никогда прежде не публиковалась. Между тем ее литературное, социальное, культурфилософское значение трудно переоценить. В этой переписке скрестились пути двух выдающихся писателей-мыслителей — на редкость несхожих в своем мировоззрении, идеологических ориентирах, складе личности. Но очевидное несходство не исключало взаимного притяжения и напряженного взаимного интереса, что в конечном итоге и позволило состояться удивительному эпистолярному диалогу. Оба его участника любили и умели писать письма, оба знали, что письмо нередко позволяет сказать больше, чем то возможно в формах «канонической» литературы. И действительно, переписка позволила им ясно выговорить многое из того, что не до конца «выговаривалось» в их книгах, что было скрыто в подтексте их творчества или даже таилось в глубинах подсознания.

Эпистолярный роман Розанова и Гершензона затрагивает много вопросов — от бытовых до эстетических. Но практически сразу же определяется и его главная тема — судьба России и судьба еврейства в России, их соотношение и противопоставление. Обсуждение этой темы порою достигает драматического накала — когда кажется, что вот-вот оборвутся все нити взаимных симпатий, что любые отношения сделаются далее невозможными... И все же оба удерживаются у роковой черты: этот разговор нужен обоим корреспондентам, нужен прежде всего для того, чтобы в диалоге прояснить свою собственную позицию, чтобы, попытавшись понять другого, лучше понять себя. В этом коренное отличие спора Розанова и Гершензона от большинства современных «дискуссий по национальному вопросу».

Судьба свела Розанова и Гершензона в конце апреля 1909 года, когда В. В. Розанов в качестве корреспондента газеты «Новое время» приехал в Москву на торжества по случаю чествования Н. В. Гоголя. М. О. Гершензон подробно описал эту встречу в письме брату, А. О. Гершензону, 1 мая того же года: «В гоголевские дни пришел ко мне В. В. Розанов знакомиться. «Вех» он еще не читал, но полюбил меня, говорит, за Киреевского и, главное, за мой язык, «помещичий». «Когда я уезжал, мне все жена наказывала: пойди познакомься с Г-м». Просидел часа три; тонкость ума и художественность рассказов изумительные. Чудесно рассказывал про Победоносцева, которого хорошо знал. А уходя, расцеловался со мною»¹. Что же привело маститого писателя, имевшего уже большую, хотя и скандальную славу, в дом историка, архивиста, собирателя документов по истории русской интеллигенции?

М. О. Гершензон как раз к этому времени получает серьезную известность. Уже вышли две его монографии: «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» и «История молодой России» (обе в 1908 году), уже определился новый круг интересов — история славянофильства в России (не случайно Розанову запомнилась статья Гершензона «И. В. Киреевский», напечатанная в № 8 «Вестника Европы» за 1908 год). Не мог Розанов не знать и о сборнике «Вехи», инициатором которого был Гершензон, написавший статью, вызвавшую яростные нападки левой критики. Загадочным в этой связи

Вступительная статья, публикация и комментарии В. ПРОСКУРИНОЙ.

¹ ОР ГБЛ, ф. 746, к. 20, ед. хр. 11, л. 2—2 об. Обстоятельства знакомства запомнились и Розанову. На подаренной Гершензону книге «Опавшие листья» (СПб. 1913) Розанов сделал следующую надпись: «Дорогому Организатору книг Михаилу Осиповичу Гершензону с памятью «гоголевских дней в Москве». В. Розанов. Не сердитесь за кое-что здесь. P. S. Все мы слабы и все мы ничего не знаем» (частное собрание). За возможность познакомиться с библиотекой М. О. Гершензона приношу искреннюю благодарность М. А. Чегодаевой.

выглядит заявление Розанова о том, что он еще «не читал» «Вехи», поскольку уже 27 апреля 1909 года в «Новом времени» появилась его статья «Мережковский против „Вех“», исполненная комплиментов в адрес веховцев, и в том числе Гершензона. А гоголевские дни в Москве — это 26, 27 и 28 апреля! Видимо, как раз веховская статья Гершензона «Творческое самосознание» явилась ближайшим поводом к визиту Розанова, а его уверения о незнакомстве с «Вехами» — обычная розановская игра². Гершензон представлялся Розанову любопытнейшей психологической загадкой, которую ему хотелось поскорее разгадать. В нем для Розанова было много притягательного³. Во-первых, Гершензон — выходец из кишиневской правоверной еврейской семьи, иудей по своему вероисповеданию; между тем он — уже признанный знаток русского умственного движения XIX века, блестящий мастер слова (язык его Розанов называет помещичьим). Во-вторых, удивила и обрадовала политическая позиция Гершензона, ярко проявившаяся в «Вехах»: не случайно в своей рецензии Розанов с восторгом писал о появлении шатовых между суровыми революционерами. Облик еврея-«антиреволюционера» для Розанова был удивителен и нов. Наконец, в судьбе Розанова и Гершензона присутствовала схожая семейная драма, замешанная на религиозных ограничениях. Хорошо известно, как болезненно переживал Розанов невозможность официального оформления своего второго брака: первая его жена, А. Сулова, не давала согласия на развод. Около десяти лет состоял и Гершензон в гражданском браке с православной по вере М. Б. Гольденвейзер⁴. Для Розанова, напряженно размышлявшего над проблемой «брак и православие», эта биографическая параллель должна была представляться немаловажной.

Инициатором знакомства выступил Розанов. — ему принадлежит и инициатива переписки. Для уяснения вопросов, связанных с еврейским присутствием в России, Гершензон был самым подходящим собеседником. Сразу установившаяся взаимная симпатия, откровенность, наконец, сам масштаб личности адресата служили порукой тому, что разговор выйдет серьезным.

Картина мира, какой она предстает в сочинениях Розанова, кажется на первый взгляд хаотическим порождением неудержимого потока сознания. Однако в действительности все сочинения Розанова — от лирического откровения «Уединенного» до газетного фельетона — связаны с тем, что является стержнем его религиозного мифотворчества. Центральный розановский миф — миф о поле. Именно Пол в его физиологической наготе (не эстетизированный Эрос!) и первобытной деторождающей силе является главным богом Розанова. На сексуальную прочность проверяет он различные религии и нации. Культ Пола, освящение Пола заставляет Розанова усомниться в Христе, охладившем пол, и воскурить фимиам дохристианским религиям, обратясь к древнему семито-хамитическому Востоку. Не Христос, а специфически осмысленный Бог Ветхого Завета, ветхозаветное представление о лоне Авраамовом, освящение патриархального семейного быта привлекали Розанова.

Для мировосприятия Розанова чрезвычайно показательным острое чувство рода, нации. Это сразу же уловил Гершензон, заявив: «...тяжело мне видеть в Вас, что Вы чувствуете национальность, что я считаю звериным чувством». О превалировании в воззрениях Розанова идеи рода, почти полном отсутствии идеи личности многократно писал Н. А. Бердяев⁵. Взаимосвязь рода и пола — самая прямая в философии Розанова. Он восхищается «fall'ичностью», культом плоти, ее сакрализацией в религиозных воззрениях евреев. Он испытывает священный трепет, когда пишет об отношении евреев к любви и деторождению. В статье «О поэзии в Библии» (написана

² Позднее, в «Уединенном», Розанов напишет: «Из авторов «Вех» только двое — Гершензон и Булгаков — не разочаровали меня» (Розанов В. В. Сочинения. М. 1990, стр. 69). О веховской статье Гершензона см.: Проскурина В., «Творческое самосознание Михаила Гершензона». — «Литературное обозрение», 1990, № 9, стр. 93—96.

³ Известно, что Розанова тянуло к личному общению с евреями. Об этом не раз вспоминали современники; так, например, А. Ремизов писал в 1905 году: «Проще всего привести к Розанову еврея. Спросишь по телефону, назовешь — никогда не откажет, какое-то особенное пристрастие и любопытство к евреям» (Ремизов А. Кукха. Розановы письма. Нью-Йорк, 1978, стр. 29).

⁴ Лишь в 1914 году, перейдя в лютеранство, М. Б. Гольденвейзер смогла официально оформить брак с М. О. Гершензоном.

⁵ См.: Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб. 1907, стр. 161.

в 1909 году) Розанов замечал: «...не без основания же единственно у них (у иудеев.— В. П.) эта физиология получила до такой степени бесспорно священный свет, священный вкус, как бы храмовый, церковный аромат»⁶.

Однако в гимны еврейскому роду вторгаются и диссонирующие звуки; в той же статье появляются опасливые строки: «„Мы“... А „остальное“ так себе...»⁷ И неожиданно на фоне библейских опаленных солнцем холмов возникает образ маленькой «богомольной сельской церкви» с ее вечерним звоном и горящими восковыми свечами... Образ этот глубоко символичен для Розанова. Здесь своего рода микро-модель всей его картины мира. Столкновение двух наций, двух родов (еврейского и русского) претворится для Розанова в форму эротического соперничества «сильного самочного племени» евреев (см. его письмо Гершензону, отправленное около 10 сентября 1909 года) и слабого и также женственного племени русских.

Обе нации в понимании Розанова — носительницы женского начала в противовес арийскому корню, грубому, мужскому. В «Библейской поэзии» Розанов пишет: «Весь пресловутый „монотеизм“ евреев есть „единомужие“, „верность одному мужу“»⁸. В «Опавших листьях» Розанов снова подтвердит: «...бабья натура евреев — моя *idée fixe*»⁹. Женское начало в русских — в исторически сложившейся безропотной «отдаче» всякому иноземцу: «Русские имеют свойство отдаваться беззаветно чужим влияниям... Именно, вот как невеста или жена — мужу...»¹⁰. Две женщины-нации находятся в постоянном соперничестве между собою: не случайно в письме Гершензону от 23 января 1912 года Розанов нарисует выразительный образ «русской бабищи» с ее вечным «задеря подол», а рядом с ней — образ смуглянки-семитки с ее «ручками». Этот мотив эротической силы еврейства, противопоставленный асексуальной и жалостливой любви русских — любви, близкой к сыновним чувствам (симптоматично, что свою жену Розанов постоянно называет другом и мамочкой), — уходит корнями в сложный подсознательный мир писателя, лишь временами выплескиваясь из его глубин. Погруженность Розанова в сферу детских и юношеских «комплексов» очевидна. Показательны два его воспоминания, позволяющие отчасти реконструировать психологический подтекст мотива эротического соперничества, его направленность в сторону «еврейской угрозы». В письме Н. Н. Глубоковскому от 23 мая 1907 года Розанов сообщает следующую деталь о своей первой жене, А. Сусловой: «Промаялись 4 года, и (по-видимому, влюбившись в юношу-еврея) кинула меня, жестоко и беспощадно, как она все делала»¹¹. «Спасла» писателя его вторая жена, В. Д. Бутягина. Ее появлением на свет Розанов обязан «какому-то врачу еврею», вылечившему от привычных выкидышей ее мать, А. А. Рудневу, Розановым высоко почитаемую¹². В воспоминаниях Розанова можно уловить глубинную связь темы евреев с темой эроса, как и истоки двойственного отношения к еврейству вообще. Сексуально совершенный род евреев таит, по Розанову, опасность для другого рода — русского. «Русские... конечно, погибнут, подшивая подолы у Ривок через 100 лет», — сокрушается Розанов в письме Гершензону от начала января 1913 года. Подсознательные психологические импульсы антиеврейских выпадов Розанова были уловлены Гершензоном — в ответных письмах он пронизательно замечал, что в основе антиеврейских писаний Розанова лежит некий сложный «психологический узел».

Письма Розанова, видимо, подтолкнули Гершензона к самосознанию и самоопределению в национальном вопросе. В письме А. Г. Горнфельду от 20 января 1910 года Гершензон нарисовал выразительнейший психологический автопортрет: «Мои писания в области истории русской литературы и общественной мысли, «Вехи», славянофилы и пр. — не занятие «чужим делом»... я чувствую себя человеком и евреем и все это делаю

⁶ Розанов В. В. Библейская поэзия. СПб. 1912, стр. 17.

⁷ Там же, стр. 15.

⁸ Там же, стр. 38.

⁹ Розанов В. В. Опавшие листья. СПб. 1913, стр. 52. При этом очень характерно, что соперничающая женская нация евреев, когда ее требуется «задеть», осмысливается Розановым как «слабая соперница» или «старая». Так, в «Обонятельном и осязательном отношении евреев к крови» Розанов напишет: «Жид в сущности баба (старая), которой ничего мужского „не приличествует“» (СПб. 1914, стр. 25).

¹⁰ Розанов В. В. Сочинения, стр. 328.

¹¹ Цит. по: Богданова Т. А., «Новые материалы к биографии В. В. Розанова (из переписки В. В. Розанова и Н. Н. Глубоковского)» («Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы». Л. 1989, стр. 39).

¹² См. там же, стр. 45.

sub specie humanitatis; но это правда, что я что-то люблю в России, очень крепко и нежно люблю. Последнее время мне не раз приходилось слышать иронию: Гершензон — славянофил. Плоская шутка, но мне надоело... Хочу прибавить. Вот мое непосредственное чувство: я чувствую себя евреем и социально, и субъективно-психологически. Насчет первого я как раз последнее время (постарел, должно быть) часто мучаюсь: не вижу для себя никаких путей к активному участию в еврейских делах. Второе же во мне всегда было очень ясно и теперь только сильнее; я чувствую свою психику совершенно еврейской и совершенно разделяю точку зрения Чуковского, Андрея Белого и пр., т. е. я уверен, что и н т и м н о понять русских я не в состоянии. Поэтому я тщательно избегаю таких тем (в противоположность Айхенвальду, напр.). Вся моя работа в области русско́й литературы имеет предметом вечные темы — общечеловеческие»¹³.

Гершензон, психологически и социально осознавая себя евреем, в философском плане был начисто лишен «родового мышления». Напротив, все его творчество — это своеобразная апология личностей, культ индивидуального устройства души. Национальное всегда воспринималось Гершензоном сквозь призму общечеловеческого. Даже собственная «еврейская психика», о которой он пишет в письме Горнфельду, это отнюдь не националистические «комплексы», а индивидуальные особенности его духа, особые очертания его творческой личности. Гершензон полагал, что «национальность в человеке — имманентная, стихийная, Божья сила; поэтому мы можем спокойно забыть о ней: она сама за себя постоит»¹⁴. «В нашей душе, — писал он, — борются две воли — личная и родовая: будь же личностью»¹⁵. В этом смысле иудаизм Гершензона (равнодушного к конфессиональным вопросам) был также актом личного выбора: отказ от религии отцов только во имя карьеры или социального благополучия расценивался им как бесчестный и постыдный. В подобном взгляде отразилась, если угодно, гордость Гершензона — но гордость индивидуальная, а не родовая.

Однако гордый и благородный Гершензон вызывал у Розанова уже знакомое нам амбивалентное чувство. Мотив эротического соперничества своеобразно преломляется в мотив творческого соперничества с евреем-писателем. Заметка, написанная Розановым в качестве преамбулы к письмам Гершензона, свидетельствует как раз об этом: здесь облик Гершензона теряет свои реальные черты. Розанов творит свой «миф о Гершензоне», страшном своей талантливостью («слишком великолепен»), ученостью (к «стыду русских», он «лучший историк русской литературы»), мастерством «делать» книги («У него „все на месте“»). Сублимация комплекса неполноценности выражается в «страхе» вытеснения Гершензоном некоей русской субстанции («он такой русский»), с которой Розанов идентифицировал свое «я». Наиболее яркое воплощение этого мотива — письмо Розанова от середины января 1912 года, где предпринята попытка реконструировать «агрессивное» подсознание Гершензона («Да. Я еврей...»). Образ Гершензона как сильного соперника утверждается и развивается в письмах Розанова параллельно с образом грозной соперницы — еврейской нации, «вытесняющей» «слабых» русских из правительства, общественности, литературы и — даже! — из «союза русского народа» (см. письмо от середины августа 1909 года).

Активные эпистолярные отношения между Розановым и Гершензоном прервались в 1913 году — несомненно прежде всего в связи с процессом Бейлиса. Суд над евреем, обвиненным в ритуальном убийстве мальчика-христианина, потряс Россию и способствовал резкой поляризации сил в русском обществе. С протестом против судилища, преследовавшего слишком откровенные политические цели, выступили многие — от В. Г. Короленко до деятелей православной церкви. Розанову же этот процесс дал обильную пищу для комплексов и психопатических страхов. В 1913 — 1914 годах он пишет серию статей и выпускает одну за другой несколько книг, в которых бывшие опасения-нападки перерастают в устрашающее мифотворчество. В его отношении к еврейству, колеблющемся между юдофильством и юдофобией, в этот момент решительно перевешивает последняя. В ситуации, когда розановская «жидобоязнь» перестала быть фактом личного — хотя и весьма парадоксального — мироощущения, но сделалась компонентом реальной политики, продолжать переписку Гершензон, конечно, не мог.

¹³ ЦГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 269, л. 1—1 об.

¹⁴ Гершензон М. О. Судьбы еврейского народа. Пб.— Берлин. 1922, стр. 58.

¹⁵ Там же.

Розанов между тем продолжал внимательно следить за творчеством своего бывшего корреспондента — и размышлять над ним. Плодами этих размышлений стали заметка-преамбула к письмам Гершензона, относящаяся к 1916 году, и тогда же опубликованная статья «Левитан и Гершензон» («Русский библиофил», 1916, № 1), в которой обобщены мысли Розанова о стилизаторской, имитирующей природе еврейства, вторгающегося в русскую культуру.

Апокалипсис большевистской революции, вскрывший химеричность прежних страхов и обнаживший истинные бездны зла, вновь связал Розанова с Гершензоном. Розанов, испытавший несколько страшных ударов судьбы, из Сергиева Посада обращается с письмами-воплями о помощи ко многим, в том числе и к Гершензону. Гершензон оказался одним из немногих, кто реально помог уже умиравшему писателю...

Основной массив переписки В. В. Розанова и М. О. Гершензона хранится в ОР ГБЛ: 13 писем Гершензона (ф. 249, кн. 4197, ед. хр. 1—5) и 21 письмо Розанова (ф. 746, к. 40, ед. хр. 57). Письмо 33 публикуется по: ЦГАЛИ, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 13. Записка Розанова (письмо 12) на некрологе А. С. Белкина публикуется по: ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 169 (указано В. Г. Сукачем); письмо 34 публикуется по: ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 412 (см.: Розанов В. О себе и жизни своей. М. 1991, стр. 793; прим. В. Г. Сукача). Все письма печатаются по автографам. Отсутствующие в письмах Розанова указания дат написания восстанавливаются на основе датировок писем к нему Гершензона или иных косвенных данных, а также — в некоторых случаях — на основе сохранившихся почтовых штемпелей на конвертах. Подчеркнутое в автографе одной чертой передано в публикации разрядкой, двумя — курсивом, тремя — полужирным шрифтом.

1. «Записка В. В. Розанова»

Мих. Осипов. Гершензон к печали русской и стыду русских — лучший историк русской литературы за 1903 — 1916 гг., хотя... он слишком великолепен, чтобы чуть не было чего-то подозрительного. «Что-то не так». «Он такой русский». Но у русского непременно бы вышло что-нибудь глуповато, что-нибудь аляповато, грубо и непристойно.

У него «все на месте». И это подозрительно. Я думаю, он «хорошо застегнутый человек», но нехороший человек.

В конце концов я боюсь его. Боюсь для России. Как и «русских патриотов», Столпнера и Гарта¹.

Эх... приходи, Скабичевский, и спасай Русь².

Записка Розанова предваряет пачку писем Гершензона (ф. 249, кн. 4197, ед. хр. 1, л. 1) и служит своеобразной преамбулой к письмам Гершензона (видимо, Розанов планировал их публикацию); написана после получения всех писем Гершензона этой коллекции (то есть после 1913 года).

¹ Столпнер Борис Григорьевич (1871—1937) — философ, социолог, переводчик, сотрудник «Еврейской энциклопедии». Гарт Самуил Соломонович (настоящая фамилия — Зусман, род. 1880) — публицист.

² Об ироническом подтексте записки говорит упоминание презираемого Розановым Александра Михайловича Скабичевского (1838—1910), критика, публициста-народника (ср. с письмом 8, где речь идет о «мякинной голове» Скабичевского), названного им «Навуходоносором нашей новой критики и истории» (см.: Розанов В., «Интересные размышления Скабичевского». — «Мир искусства», 1901, № 6, стр. 319).

2. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Начало мая 1909»

Читаю, мой милый Гершензон, о Чаадаеве, 115—124—130¹. Страницы так и бегут. Как хорошо Вы пишете. «Вот кто мог бы воскресить Константина Леонтьева», — подумал я о Вас².

Анонимы (женские) к Чаадаеву: мне показалось, что это лучше «Философических писем», это — настоящее, живое³. В Чаадаеве хорошо только остроумие (колокол, пушка, «персиянин») (стр. 118)⁴.

Прочее я думаю — невыносимый вздор. Хороший отчет Поццо⁵ д'и Борго⁵. Хорошо, что Вы отметили точность и художественную верность Перфильева (116 стр.)⁶.

Берегите свое время и перо. Может быть Бог наведет Вас на Леонтьева. Жене — привет. Вспоминаю Ваш холодный кофе.

Мне печально, что меня разлюбил Столпнер (такой исключительный человек)⁷. По глупостям, — как всегда у русских.

В. Розанов.

¹ Речь идет о книге М. О. Гершензона «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (СПб. 1908).

² С Константином Николаевичем Леонтьевым (1831—1891) Розанов познакомился в 1891 году; письма Леонтьева Розанов опубликовал в «Русском вестнике» (1903, № 4—6). Неординарная фигура критика, соединяющего «эллинический эстетизм» со «строгим загробным идеалом», оказала огромное влияние на Розанова.

³ На самом деле на указанных страницах Гершензон поместил лишь одно женское анонимное письмо Чаадаеву, остальные принадлежат близким знакомым Чаадаева Е. Г. Левашовой и А. С. Норовой. Подчеркивая преимущества этих писем, Розанов выражает свое неприятие личности «басманного философа» (см. об этом в прим. к письму 30).

⁴ См.: Герцен А. И. Былое и думы, ч. 4, гл. XXX. Слова Чаадаева цитирует в своей книге Гершензон: «В Москве, говаривал Чаадаев, каждого иностранца водят смотреть большую пушку и большой колокол. Пушку, из которой стрелять нельзя, и колокол, который свалился прежде, чем звонил...» Здесь же приведена острота о «национальном» костюме К. Аксакова, которого народ на улицах принимает за «персиянина».

⁵ Поццо д'и Борго Карл Осипович (1764—1842) — французский государственный деятель, в 1796 году покинул родину и с 1812 года служил в русском дипломатическом корпусе.

⁶ Цитируя донос московского жандармского генерала С. В. Перфильева об образе жизни Чаадаева, Гершензон называет этот донос художественно верным.

⁷ Столпнер был постоянным посетителем воскресений Розанова, высоко отзывавшегося об этой столь значимой для него личности (см. письмо 26). В письме Н. Н. Глубоковскому 29 декабря 1909 года он писал: «Столпнер — еврей, редкой честности и младенчества жизни, но редкой начитанности и ума...» (ГПБ, ф. 194, оп. 1, ед. хр. 757; цит. по: «Русская литература», 1989, № 3, стр. 217). В 1909 году произошел их разрыв, после которого Столпнер, осуждая Розанова за «двурушничество», перестал бывать у него (см. его письмо Розанову от 14 декабря 1910 года.— ЦГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 725, л. 49—51).

3. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Около 8 мая 1909»

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Посылаю Вам новую мою книжку. Совесть просит, а что делать: при всех «достоинствах», из которых не ложно одно:

День каждый, каждую годину
Привык я в думax провождать²,—

книги мои никогда не имели успеха, а только «почтительное признание». Шуба красивая, но не теплая.— Словом, мой добрый энтузиаст, соберитесь с силами и дайте о книге отзыв в «Вестнике Европы». Сам я много раз эту вещь делал для других, — и может быть Бог простит, что прошу ее — однако в первые — сделать для себя.

Поклон Вашей жене. С кем-то Вам надо познакомиться — это Флоренский у Троице-Сергия: интересант и Чаадаева и Киреевского³. С. Н. Булгаков его знает⁴.
Поклон жене. Ваш В. Розанов.

«НАДПИСЬ НА КНИГЕ»

М. О. Гершензону

«...и при конце печаль Ваша обратится в радость»⁵. Посылаю Вам, дорогой Михаил Осипович, эту книжку и крепко жму руку.

В. Розанов.

¹ Речь идет о книге Розанова «Итальянские впечатления» (СПб. 1909).

² Слегка измененная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...».

³ Дружба Розанова с о. Павлом Флоренским (1882—1937) завязалась в 1903—1904 годах и прошла через всю жизнь писателя. К идеям И. Киреевского Флоренский обращался в своем труде «Столп и утверждение истины» (М. 1914, стр. 608). Гершензон посвятил И. Киреевскому статью («Вестник Европы», 1908, № 8), которая понравилась Розанову.

⁴ Оба (Розанов и Гершензон) были к тому времени в близких отношениях с Сергеем Николаевичем Булгаковым (1871—1944). Письма Булгакова Розанову см.: «Вестник Русского христианского движения», 1979, № 130 и 1984, № 141.

⁵ Инверсированная цитата из Книги Притчей Соломоновых: «...и концом радости бывает печаль» (Пр., 14:13).

4. М. О. Гершензон — В. В. Розанову

Москва, 8 мая 1909 г.

Многоуважаемый Василий Васильевич,

Сердечно благодарю Вас за книгу и за надпись на ней. Да будут Ваши слова пророчеством! О книге вероятно напишу, но где именно, вперед не знаю; во всяком случае, тогда пришлю¹. У меня к Вам две просьбы: 1) пришлите мне адрес Столпнера и «библиографию» К. Леонтьева, как обещали, и 2) напишите для «Критического Обозрения» о книге Волынского «О Достоевском», вышедшей сейчас новым изданием, напишите 6—7 тысяч букв и пришлите к половине августа сюда же, по моему адресу². Книгу, т. е. это новое издание ее, купите и, посылая рецензию, сообщите мне ее стоимость; эти деньги будут Вам присланы вместе с гонораром. Очень прошу Вас не отказаться. Спасибо за статью о «Вехах» и Мережковском; и по существу хорошо, а главное — чудесно было написано³. В Вашем слогe совсем нет лигатуры. Только и есть такой язык — у Вас в Ваших лучших страницах да в письмах Пушкина: чистый расплавленный сверкающий металл без всякой примеси. Только что у Пушкина он более упруг, у Вас же льется жиже.

Летом с моря заеду в Петербург; если разыщу Вас, то зайду к Вам.

Жена кланяется Вам, а я жму Вашу руку, которая умеет так хорошо писать.

Ваш М. Гершензон.

¹ Рецензию Гершензон не написал.

² Речь идет о книге А. Л. Волынского «Ф. М. Достоевский. Критические статьи» (2-е изд., СПб., 1909). Заведующим критическим отделом журнала «Критическое обозрение» являлся Гершензон.

³ Розанов сочувственно откликнулся на сборник «Вехи» в статье «Мережковский против „Вех“» («Новое время», 27 апреля 1909 года).

5. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Около 10 мая 1909»

Многоуважаемый Михаил Осипович!

1) Адрес Столпнера: Борис Григорьевич Столпнер, СПб., Петербургская сторона, Рыбацкая ул., д. 6, кв. 16.— Спешите писать, ибо он по веснам уезжает — высылается из Петербурга.

2) «Из переписки К. Н. Леонтьева» — «Русский Вестник» за 1903 год, — апрель, май, июнь.

3) О Волынском постараюсь написать.

Хотя: едва мне скажут — «напишите», как у меня является неодолимое отвращение писать именно об этом («на заказ»). Но всеми силами постараюсь.

4) Наш адрес: Финляндская жел. дор., станция Тюрсево (сейчас за Териоками), деревня Лепенене, дача Хайкена, № 4.

Прелесть. Милости просим. С ночевкой и с семьей. Разместимся.

Ваш В. Розанов.

6. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Около 10 августа 1909»

Ну, Мих. Ос., я «переступил через себя», как сказал бы Волынский: написал рецензию¹, новые писать для Вас, серьезного оценщика, т. е. серьезно (не для гонорара) — совсем не по моим способностям и решительная для меня мука. Я принадлежу к той породе «излагателя вечно себя», которая в критике — как рыба на земле и даже на сковороде. И только не желая Вас «изгорчить», сделал это усилие. Устал. Изнемог. Кланяйтесь Вашей жене.

Ваш В. Розанов.

У Вас превосходные «Письма Эртеля»²: вот бы прислали — угодили. С надписью. Простите за «холопчество». В счет гонорара.

Кое с чем Вы будете в статье моей не согласны, и даже — в конце — Вам будет не понятно: но если бы можно без сокращений и вычеркиваний!! Я писал с душой. Да вышлите (назначьте) мне экземпляр журнала: С.Петербург. Звенигородская, д. 18, кв. 23. В. В. Розанову.

Вы говорили мне устно в Москве, что где-то писали обо мне (рецензию): как бы мне хотелось это прочесть! Вашу умную и спокойную критику, взгляд, два слова. Не пришлете ли в вырезках? Я аккуратно же верну, «свято» верну.

¹ Опубликована в «Критическом обозрении» (1909, вып. 5, сентябрь).

² См. «Письма А. И. Эртеля» (М. 1909), подготовленные Гершензоном.

7. М. О. Гершензон — В.В. Розанову

Силламяги, 10 авг. 1909 г.

Многоуважаемый Василий Васильевич,

Очень обрадовали Вы меня присылкой статьи о Волынском; я уже собирался напомнить вам обещание. Я дважды с изумлением перечитал Вашу статью. Вы гениально нарисовали портрет Вол., так и просятся сравнения: Веласкес, Гойа,— бесконечно хорошо; Вы большой художник. И в то же время я чувствую здесь — простите — что-то inferнальное. Подумайте: ведь это живой человек, он прочитает это,— каково ему будет? Весь Ваш удивительный талант был с Вами, когда Вы писали это, но дух любви Вас в те минуты покинул; нет благочестия к лику человеческому, нет кровного родства с бедным человеком, или просто жалости. Но все верно поразительно и сказано так, что не забудешь. Я лично знаю Волынского и могу судить. Моя жена, раз видевшая Волынского издали, в восторге.

Ну, это личное впечатление; а как редактор отдела в «Критическом Обозрении» я должен сказать, что те личные черточки, которые есть в Вашей статье, резко нарушили бы академический тон журнала, и просто мои товарищи по редакции их не допустят в печать. Поэтому прошу у Вас позволения выпустить соответственные строчки (ни детей... одинокая кровать в Пале-Рояле и пр.) — их немного,— и, если хотите, я пришлю Вам заблаговременно корректуру статьи, чтобы Вы могли видеть, что я выпустил (также и о Венгерове и Гуревич¹).

По существу я, разумеется, не выпущу в статье и не изменю ни слова, хотя и нахожу противоречие между началом и концом, ибо чему же можно научиться из такой головной книги, какую Вы изображаете книгу Волынского о Достоевском? Но тут я не вмешиваюсь.

Я не писал о Вас, а только один раз в рецензии «Вестника Европы» упомянул о Вас как о первом, кто у нас во всей глубине раскрыл вопрос пола².

Отвечайте мне, пожалуйста, в Москву (Арбат, Никольский пер., 19). «Критическое Обозрение», конечно, будет Вам посылаться. Из-за холеры жена не пускала меня в Петербург, но надеюсь зимою побывать.

Преданный Вам М. Гершензон.

Да, о Письмах Эртеля: непременно пришлю, как только вернусь в Москву.

¹ Можно отчасти реконструировать выпущенный Гершензоном пассаж о «личных черточках» Акима Львовича Волынского (настоящая фамилия Флексер, 1861—1926) — критика и философа, ведущего сотрудника и идеолога журнала «Северный вестник» — в связи с Любовью Яковлевной Гуревич (1866—1940), издательницей этого журнала. В письме Э. Ф. Голлербаху от 26 октября 1918 года Розанов сообщал, что «все евреи... делают в литературе русской положительно самое лучшее, самое нужное дело: начиная с Флексера и благородной Любви Гуревич («Северный вестник»): Дамаянти Флексера, несчастно и безнадежно его любящая, сама она прелесть и хороша, он — резонер, мыслитель, фанатик и, по-видимому, онанист (т. е. человек избранный, исключительный...)» («Письма В. В. Розанова — к Э. Голлербаху». Берлин. 1922, стр. 111). Отзывы «личного» порядка о Семене Афанасьевиче Венгерове (1855—1920), историке литературы и библиографе, см., например, в письме 26.

² См.: «Вестник Европы», 1908, т. 6, № 12. Здесь Гершензон писал: «У нас В. В. Розанов первый поднял голос в защиту естества, и только очень немногие сумели понять его» (стр. 763).

8. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Середина августа 1909»

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Я так уверен в Вашей литературной бережливости, что конечно согласен на те выпуски из моей статьи, какие Вы признаете нужными. Мне не показалась она обидною для Волынского. «Герой, но с холодной душой» — это касается и его profession de foi. Вот¹.

Жар души, растроченный в пустыне... — дар Божий: и что же, если этого нет? Это не «благоприобретенное наследство», и в нем мы неповинны: да, но правда, ну что если на горячую грудь посажена мякинная голова Скабичевского — много ли толку?

«Горячие» пустозвоны тоже довольно надобны.

Но, при выпусках — по миновании надобности (т. е. набора в типографии) верните мне оригинал за ка з н ы м письмом. Пожалуйста.

А хорошо, если б Вы об «Ит<альянских> впечатлениях» написали в «Вестник Евр<опы>». Со всех сторон важно и между прочим для продажи. Мне же — не теперь, но когда-нибудь — вообще хотелось бы прочесть о себе у Вас, «строгого и лучшего историка литературы» теперь. Говорят, Овсян<нико>-Куликовск<ий> какой-то странный, Н. Котлярев<ский> очень патетичен, и, кажется, с сахаром, В. Брюсов — порченный декадент. А Вы «соединяете ученость с талантом»: такая редкость у нас.

Ну, устал.

Адрес: до 20-го августа ст. Териоки, Финляндская, жел<езная> дор<ога>, деревня Лепенене, дача Хайкена, № 4.

С 20-го августа:

С.-Петербург, Звенигородская ул., д. 18, кв. 23.

«На полях»:

Боюсь, что евреи заберут историю русск<ой> литературы и русск<ую> критику еще прочнее, чем банки: и это действительно «что-то такое...» из Апокалипсиса или Исаяи («будете народом царей») ². Знаете ли Вы, что в Петербургском у н и в е р с и т е т е в крошечной группе «союза русского народа» во главе стоит еврей, говорят — хромой и безобразный, студент: когда репортер «Н<ового> Вр<емени>» хотел его увидеть, он принял его развалясь в кресле, с дубинкой в руке, и не встал и не подал руки. «Камо бегу от Господа»... а приходится варьировать: «куда бежать от пейсов». Судьба.

Ужасно: и почерк у Вас, как у Мих. Осипов. Меньшикова: четкий бисер. Какой-то «Поликратов перстень», который и рыба не глотает, и море не поглощает ³. В «Русском Слове» я читал оказывается не Вас, а Когана: и мне чрезвычайно понравилось. Хороший тон, хороший дух, верится и с в о и мысли ⁴.

¹ А. Л. Волынский некогда писал исключительно на еврейские темы, но в 1889 году перешел в православие. Розанов высоко оценивал пересмотр критического «иконостаса», который предпринял Волынский в своих работах о Белинском, Добролюбове, Чернышевском (книга «Русские критики», 1896), однако подчеркивал чрезмерную рассудочность и «сухой блеск» его работ.

² Имеется в виду идея мессианизма евреев (см.: Исаяя, гл. 60 и др.).

³ М е н ь ш и к о в Михаил Осипович (1859—1918) — публицист «Нового времени», давний недруг Розанова. Его фельетон о журнале «Новый путь» («Новое время», 23 марта 1903 года) способствовал закрытию религиозно-философских собраний, деятельным участником которых был Розанов, активно печатавшийся и в органе собраний — «Новом пути». Совпадение имени и отчества антисемита Меньшикова и Гершензона дало Розанову повод для иронических параллелей. Упоминание мифа о «Поликратове перстне» в связи с «морским» прошлым Меньшикова также иронично: Меньшиков, окончивший морское училище, был автором книги «По портам Европы» (1879), вел отдел фельетонов в «Морской газете».

⁴ В «Русском слове» о Розанове упомянуто в статье не П. С. Когана, а А. А. Измайлова «Засушенная лилия», посвященной выходу в свет Песни Песен с предисловием Розанова. Предисловие названо «глубоко вдумчивой, искренней, страстной» статьей («Русское слово», 9 августа 1909 года).

9. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Около 7 сентября 1909»

«Телепатия» вот уже недели 3 мне шепчет на ухо: «как ты неосторожен: вот в 3-ий раз ты все сближаешь Гершензона с Меньшиковым. Как ты не подумал, что это может быть ему неприятно,— да и с твоей стороны это прямо грубо и навязчиво. Он тебе не дал права, ни повода так фамильярничать с собою».

Вот почему, дорогой Мих. Осипович, я извиняюсь перед Вами и вперед ничего подобного не повторю. Причина «amī-coshoп'ства» — что Вы меня встретили в Москве «как своего», как бы «давно зная», и вообще без «пространства и времени» между нами. Дорогой мой: я слишком знаю, что между «им» и Вами ничего даже приблизительного нет; а внешние сходства меня рассмешили, и я стал вслух смеяться: мое обычное ребячество, в котором не отрицаю «национального свинства». Нередко я подумываю о Вас, и как мне 54 года — могу советовать: со стороны и издали глядя, видишь, что после того как в «Вехах» Вы резко и памятно выразились политически и общественно — Вам

повторять «выступлений» не следует. Все запомнят и запомнили, к т о Вы среди шумящих и борющихся партий: но Вы отойдите в сторону, в свое уединение.

Усовершенствуя плоды (таких-то) дум — это выйдет в п е ч а т л и т е л ь н е е даже в политическом отношении, чем если бы Вы шумели и грозились¹.

Я думаю — газета не Ваше дело; я думаю, в газетах Вам никогда ничего не следует писать.

Работы Ваши превосходны: какая мелкосложность (Лесков) зрения и ясный, спокойный ум; какая «мера вещей», к тому же всегда благородная и справедливая. У Вас вообще это есть, «тенденция к лучшему» — увы, не частая в литературе. Она вся исцарапалась, загрязнилась и озверела в политике, партиях и «кулуарах» редакций. Бог с ними.

Еще раз, мой добрый, извините. Не часто, но изредка мне и самому бывает «противно на душе» от этой моей эксполентности, болтовни, «со всеми как с приятелями» и вообще до излишества от «человека п о м и р у» у себя. Это и противно, но и как-то с этим легче жить. Работаешь-работаешь, устанешь, и когда оторвался от письменного стола — энергично вытягиваешься, пуговицы летят с жилета и часто со штанов, лицо смеется (сейчас после работы). В «общественном смысле» на это не имеешь права — но ум «очень хочет».

Таков, Фелица, я развратен...²

Берите как есть «русскую свинью». Да я знаю, что Вы и не сердитесь, а так — маленькое неудовольствие. Пусть и его не будет. Будем друзьями, простыми русскими друзьями, без мелочей и придирок и мщения друг другу, если бы что встретилось даже и более серьезное и отрицательное. Некоторый % зла, ну даже низкого, неблагородного, лежит и п о с л е г р е х о п а д е н и я, не может не лежать в каждом человеке: примем это «как судьбу», как свою долю, и друг у друга не будем придирааться к этому и «корить человека за невыдержанность идеала».

Бог с ними, с идеалами; все это «прописано». Возьмем живую натурку «как есть» и лучше будем отыскивать в ней, не завалилось ли в уголке чего-нибудь хорошего. Крепко жму руку. Жене — поклон.

В. Розанов.

Все недели была забота спросить Вас имя, отчество, фамилию и а д р е с господина, написавшего книгу о Грановском, которого я у Вас встретил: он мне прислал рубрику вопросов биографического свойства, я наконец написал — но письмо его потерял (засунул куда-то), а послать хочется³. Главное п о с к о р е е. СПб. Звенигородская, д. 18, кв. 23.

В. В. Розанову.

¹ Неточной цитатой из стихотворения А. С. Пушкина «Поэту» Розанов как бы предостерегает Гершензона от продолжения публицистической деятельности: в это время выходят одно за другим новые издания «Вех», каждое из которых сопровождается новым шквалом бранных рецензий.

² Цитата из «Фелицы» Г. Р. Державина.

³ См. прим. к письму 11.

10. М. О. Гершензон — В. В. Розанову

7 сент. 1909 г.

Милый Василий Васильевич,

Конечно, я Вас не разлагаю, а беру таким, как Вы есть, и таким люблю. Сближения с Меньшиковым», в чем Вы теперь извиняетесь, я даже не заметил, но было другое: Ваше отношение к евреям, страх перед пейсами, как Вы выразились. Дело не в еврействе; тяжело мне видеть в Вас, что Вы чувствуете национальность, что я считаю звериным чувством. Я уверен, что в чистые Ваши минуты Вы не позволите себе этого, и если у Вас так написалось, то именно тогда, когда «отлетели пуговицы», и именно не только у жилетки, но и пониже,— и вышло некрасиво. Позвольте сказать так: Вы — красавица, и я, как вижу Вас, люблю; и вот Вы неосторожно показались мне не в аванжном виде,— конечно, меня передернуло.

Низко кланяюсь Вам за умный и дружеский совет и буду его помнить. Но зачем Вы пишете мне лестные слова? и откуда Вы меня знаете, почти не читав меня? Вот, если случится прочитать что-нибудь мое, напишите мне, что в нем плохо, что дурно выражено, как надо писать: вот за это буду глубоко благодарен.

Статью Вашу о Волынском мы с редактором «Критического Обозрения» обдумывали и обдумывали (ему тоже крепко понравилось) и все-таки в трех местах вычеркнули «личности». Рукопись Вам верну, и на днях получите первые 4 книжки журнала, а погода и гонорар. Как Вы написали гениально портрет Волынского, так вы должны были бы увековечить для потомства, в таких же литературных портретах, и другие лица, в которых история наших дней. Напишите так же Суворина, Меньшикова, Буренина, наших Булгакова, Мережковского и кого еще хорошо знаете,— и оставьте рукопись, чтобы напечатали после Вашей смерти¹.

Ваш фельетон об Азефе читал². Вехи вот так идут: 10 тыс. экз. продано, от 3-го изд. уже ничего не осталось, печатаю 4-ое с матрицей, потому что спрос не падает. Это — с 16 марта³.

Преданный Вам М. Гершензон.

¹ Гершензон предлагает написать портреты представителей двух литературно-общественных кругов, с которыми Розанов был близок. Это Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912), издатель газеты «Новое время», и публицисты, связанные с газетой,— М. О. Меньшиков и Виктор Петрович Буренин (1841—1926). Другой круг — религиозно-философский: С. Н. Булгаков и Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865—1941). Об отношениях Розанова с этим кругом писала З. Гиппиус («Задумчивый странник». — В кн. «Живые лица». Вып. 2. Прага. 1925).

² Речь идет о фельетоне Розанова «Между Азефом и „Вехами“» («Новое время», 20 августа 1909 года).

³ За 1909—1910 годы «Вехи» вышли пятью изданиями.

11. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Около 10 сентября 1909»

Дорогой Михаил Осипович!

Увидав конверт, я подумал: «это от милого Гершензона». Спасибо за тон письма. Итак — будем дружны. Анти-семитизмом я, батюшка, не страдаю: но мне часто становится жаль русских,— как жалеют и детей маленьких,— безвольных, бесхарактерных, мило хвастливых, впечатлительных, великодушных, ленивых и «горбатых по отце». Что касается евреев, то, не думая ничего о немцах, французах и англичанах, питаю почти гадливость к «полячишкам», я как-то и почему-то «жида в пейзах» и физиологически (почти половым образом) и художественно люблю и, втайне, в обществе всегда за ними подглядываю и люблюсь. Это вытекает из большой моей fall'ичности, т. е. интереса к полу и отчасти восторга к полу: — в отношении сильного самочного племени. Мне все евреи и еврейки инстинктивно милы. Ну и затем в революции русской мне одна сторона до сих пор необыкновенно мила: что в ней умер «Эллин и иудей». Евреи одни тоже легли костями на русских баррикадах. Этого тоже невозможно не запомнить.

А затем, т. к. мы с Вами стали нигилисты — положили «прощать друг другу» (во мне бы всем умсть прощать смешное и мелочное), — то я Вам с некоторой мыслью «о потомстве» пересылаю то, что написал для Вашего знакомого, автора книги о Грановском, которого я у Вас встретил. Номер в печати, и забыл его имя, фамилию и адрес, и вместо его направляю рукопись к «историку русской литературы»¹. Мне думается, если «рассматривать все фото в микроскоп», то можно знать не только «очерки личности» в отражениях чужого глаза или ума, что конечно объективно важно и, может, единственно верно,— но и само-ощущение личностей (писателей), так как это дает если не «портрет» их, то разъяснение мотивов и характера как деятельности, объясняющей, почему они так, а не иначе писали, ну и проч. Посылая вам эти вопросы-ответы, конечно не скрою, что это — «мелкое самолюбие» и след. очень некрасиво: но известный % «некрасивого» мы вообще должны принять на себя, не «открещиваться» от него, «по нем (носит Адам) носить знак раба, недостойнства» и проч. Вопросы Вашего друга мне ужасно надоели, было ужасное «некогда», и я все откладывал, пока накануне переезда в город, т. е.— среди ужасных хлопот, я ночью решил «покончить с этим», но вдруг воодушевился и написал, как кажется, много ценного, серьезного и для авторов «Вех» много горячительного, и интересного. Ну, словом, «читайте и не кляните», как говорит летописец². Ваш искренний и любящий и благодарный.

В. Розанов.

Жене Вашей — поклон.

Евреев еще оттого я люблю, что им религиозно врождено чувство глубокой ничтожности вещей и дел человеческих и личностей человеческих («прах перед Лицом Господа»), что сообщает им глубину и серьезность мысли, души, жизни. В сравнении с ними «подбиты ветерком» все нации, — кроме, может быть, русской (тоже «прах перед Лицом Господа»).

Рукопись пошлите по адресу с надежным заказным.

¹ Речь идет о В. Е. Чешихин-Ветринском, авторе книги «Т. Н. Грановский и его время» (изд. 2-е. 1905). Он оказался свидетелем беседы Гершензона с Розановым во время приезда последнего в Москву на Гоголевские дни. Чешихин-Ветринский предложил Розанову написать автобиографию для подготавливавшегося словаря писателей-нижегородцев. Розанов ответил целой исповедью, посвященной его отношению к Богу. Словарь не вышел, рукопись была передана Гершензону. Она помечена 22 июля 1909 года, отрывок из нее опубликован в статье В. Чешихина-Ветринского «„Свой Бог“ Розанова (Страница из его автобиографии)» («Утренники». Пб. 1922, кн. 1, стр. 77—79).

² Слова монаха Лаврентия, переписчика так называемой Лаврентьевской летописи (1377): «...читите, исправлявая Бога дея, а не клените, занеже книги ветшаны, а ум молод, не дошел...»

12. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Конец 1909 — начало 1910»

Дорогой Мих. Осипович!

Прошу личной Вашей заботы о некрологе. Я виноват перед покойным Белкиным и непременно хочу сказать о нем по † несколько слов ¹.

«Новое Время» при всех усилиях — отказалось печатать, говоря: «Никому не интересно», но Вы переступите через «неинтересность» и сделайте мне эту личную дружбу — поместите в «Критическом Обзрении» (конечно бесплатно).

Жму руку. Спасибо за книгу (Киреевский — Гоголь) ². И за все спасибо! Отдельные книги и впредь присылайте. «Лучшее украшение моей библиотеки». «И что-нибудь на ночь». Устал ужасно. Столько забот, еще больше, чем писания.

Ваш В. Розанов.

¹ Белкин Алексей Сергеевич, приват-доцент философии Московского университета, умер 17 июля 1909 года.

² Розанов имеет в виду книгу Гершензона «Исторические записки» (М. 1910), куда вошли главы «Учение о личности (И. В. Киреевский)» и «Учение о жизненном деле (Н. В. Гоголь)».

13. М. О. Гершензон — В. В. Розанову

Москва, 14 февр<аля> 1911 г.

Многоуважаемый Василий Васильевич,

Сердечно благодарю Вас за память и за книгу ¹. Я только начал читать, — все живое и жжется. Но сожалею, что знакомым, рассылая книгу, Вы не послали той первой, уничтоженной книги вместо этой урезанной: как было не сохранить 2—3 десятка. Будьте здоровы и счастливы.

Преданный Вам М. Гершензон.

¹ «Темный лик» (1911) Розанова. Книга «В темных религиозных лучах», напечатанная в 1910 году, была конфискована духовной цензурой и уничтожена. В 1911 году Розанов, сократив некоторые главы, выпустил две части этой книги — «Темный лик» и «Люди лунного света».

14. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Середина января 1912»

Мног<оуважасмый> Мих. Осипович!

Чудо об Пестеле и Иванове (в Вашей книге) ¹.

Ну, умница Вы, и ей-ей я тоже не дурак, но завидую.

Но:

дорогой мой, поверьте, Ник. I не «покупал» декабристов².

Ах Вы «жид, жид» (не сердитесь): отчего *не поверить*, что он б^ыл отцом им.

Без этого непонятна русск^ая история.

Я настроен против евреев (убили — все равно Стол^ыпина или нет, — но почувствовали себя вправе убивать «здорово живешь» русских: и у меня (простите) то же чувство, как у Моисея, увидевшего, как египтянин убил еврея³.

Мне это больно, немножко даже страшно (Иегова), но — факт, и куда я его дену.

Что-то мне говорит, что Вы меня не любите, и не теперь, а всегда. Аномалия чувства, о которой надо «развести руками» и примириться, как вообще с фактами. Ах, факты выше личности. Роковое.

Но как хорошо Вы пишете. Только у меня догадка, которую страшно сказать: — Да. Я еврей. *Sum ut sum aut non sim*⁴. И вы, черви русские, антисемиты, Балашовы⁵ и Розановы, ничего не поделаете с тем фактом, что я буду о вас и вашей истории писать так хорошо, как вы сами не сумеете, и ума не хватит и таланта нет. Хорошее всегда хорошо, и поскольку хорошо — оно непобедимо. Плюясь и ругаясь, ваши Самарины и Аксаковы⁶ будут в будущем читать Гершензона, учиться у него даже «спокойному русскому повествованию», и этим «хорошо» я, *sum ut sum*, привью к великорусской душе такую закваску обрезания, что вы все не отмоеетесь и не сбросите. Я отлучился, но чтобы через 50 лет вы поживовели.

Неужели нет этой мысли? Она у меня всегда, когда думаю о Вас.

А у меня, дорогой, именно когда беру Ваши книги в руки — душа плачет: куда же русские девались? Все разбежались по Парижам и Берлинам. Я ужасно плачу о русских, ибо думаю, что погибает самое племя, что вообще попирается все русское. Если Вы имеете капелючку русского человека не имитированную, Вы поймете, что есть основание плакать, и не проклянете и не плюнете в меня, даже если и будет таков 1-й порыв.

У Вас впервые не мно ж к о полюбил Огарева. Раньше «Герцен и Огарев» были мне противны. Герцен и теперь противен: но Огарев, т а к о й с л а б ы й, мил⁷.

Если бы Вы прислали книгу о Печерине⁸.

А догадываетесь ли Вы, что Версиров (Подросток) Достоевского срисован с Печерина. Но Эртеля не читал, как и об Огареве прочел страниц 8 — в конце.

В. Розанов.

Не кляните.

А не чувствуете ли Вы, как чувствую я, читая у Вас (сейчас о Кетчере)⁹, что переменялся «образ русского человека» и что такие лица, как Михайловский¹⁰, почти вовсе и не русские...

Опять — плакать.

Однако у Вас попадается одна ляпса:

езде в ы с о к о м е р и е к начальству («такая мизерная фигурка, как штаб-жандарм»). Русские уважают начальство, как один извозчик в Ельце о проститутке: «ее повезли на работу. (То же у Толстого Аким-«золотарь»¹¹.) Всякая работа свята: и даже чем унижительнее и след. тяжелее — тем святее — .

Почему не служили долг Белинскому? Служили же Кетчеру. Отчего благородного и столь полезного человека «проводили в могилу» не жандармы, а друзья. Вы такой знаток истории, не имете ли какой об этом гипотезы?

¹ Речь идет о двух заметках — «П. И. Пестель» и «А. А. Иванов» — в книге Гершензона «Образы прошлого» (М. 1912). Розанов откликнулся на книгу положительной рецензией («Новое время», 27 сентября 1912 года).

² В статье о Пестеле Гершензон резко полемизировал с историком-марксистом М. Н. Покровским, писавшим (глава «Декабристы» в «Истории России в XIX веке» — т. 1, СПб., 1907) о том, что Николай I «купил Рылсева». Розанов нарочито переадресует цитату самому Гершензону.

³ Петр Аркадьевич Столыпин (1862 — 1911) был смертельно ранен 1 сентября 1911 года евреем Дм. Боировым. Розанов откликнулся на смерть Столыпина рядом статей («Киев и киевляне. Перед гробом Столыпина». — «Новое время», 1 октября 1911; «Террор против русского национализма». — «Новое время», 4 сентября 1911 года). Здесь же Розанов ссылается на эпизод из Ветхого Завета, где в ответ на избивание еврея египтянином Моисей «убил Египтянина и скрыл его в песке» (Исход, 2: 11, 12).

⁴ Таков, какой есть, и другим не буду (*лат.*).

⁵ Речь идет о П. Н. Балашове, возглавлявшем партию «русских националистов», депутате Думы.

⁶ С а м а р и н Юрий Федорович (1819 — 1876) — публицист, историк, философ, один из идеологов славянофильства. А к с а к о в ы — Константин и Иван Сергеевичи.

⁷ Речь идет о статье Гершензона «Любовь Н. П. Огарева», вошедшей в «Образы прошлого».

⁸ Книга Гершензона «Жизнь В. С. Печерина» (М. 1910).

⁹ Заметка Гершензона «Дом Кетчера» в «Образах прошлого».

¹⁰ М и х а й л о в с к и й Николай Константинович (1842 — 1904) — публицист, социолог.

¹¹ Герой драмы Л. Н. Толстого «Власть тьмы».

15. М. О. Гершензон — В. В. Розанову

Москва, 18 января 1912 г. ¹.

Многоуважаемый Василий Васильевич,

Ежели бы не Вы, а кто-нибудь другой приписал мне такой образ мыслей, какой Вы приписали мне, я бы просто не ответил. Но Вы особенный человек; в Вас, в Ваших писаниях, так перемешаны чистое золото сердца с шлаком самой наружной, самой материальной периферии человеческого существа, как ни в ком другом. И в этом письме, что Вы мне написали,— то же самое: слышу необманный голос, но тут же все звериные голоса, и вдобавок, простите меня, нелепости, ни дать ни взять как те утверждения Грингмута ², что русскую революцию делали масоны или евреи на японские деньги. Но ради того необманного Вашего голоса хочу ответить на Вашу мысль.

Отвечаю Вам по чистой совести: ничего даже отдаленно похожего на то, что Вы пишете, я не думаю о своем писании. У меня не только нет вражды к русскому духовному началу, но есть очень большое благоговение к нему, преимущественно пред всеми другими национальными элементами (возможно потому, что те я гораздо меньше знаю). Да иначе, как Вы легко поймете, мне было бы просто несносно, не по себе копаться в исторических проявлениях русского духа, чем я занят столько лет; мое писательство было бы мне не отрадой, а мученьем,— зачем же я стал бы себя мучить? Уж конечно не для денег, которых писательство дает мне меньше, нежели сколько дала бы любая иная специальность.

Я не скрываю от себя, что мой еврейский дух вносит чрез мое писательство инородный элемент в русское сознание, напротив, я это ясно сознаю: иначе не может быть. Но я думаю, что жизнь всякого большого и сильного народа, каков и русский народ, совершается так глубоко-самобытно и неотвратимо, что сдвинуть ее с ее рокового пути даже на пядь не способны не только экономическое или литературное вмешательство евреев, засилие немцев и пр., но даже крупные исторические события — 1612, 1812, 1905 гг., исключая разве величайших, вроде древних завоеваний. Это — как доменная печь: что ни бросить в нее, либо сгорит, и значит ускорит выплавку, либо улучшит качество металла. Все это — и участие евреев, и все подобное вообще — ничтожно по количеству сравнительно с самой народной жизнью; посторонняя примесь может стать опасной для народа, только если она количественно подавляет его, как это случилось по завоевании Англии норманнами; но это уже и есть одно из тех величайших исторических событий, в которых — перст Божий!

С евреями в России этого нет и не может случиться. Поэтому, возвращаясь к писательству,— я думаю, что участие евреев в литературе не представляет ни малейшей опасности для самобытной жизни русского народа (становлюсь на Вашу точку зрения). Об этом смешно и говорить. И всего-то литература не много значит в огромной тысячелетней работе народного духа; много ли же вреда может принести ему еврейское писательство, даже если признать его вредным?

Я думаю дальше, что всякое усилие духа идет на пользу людям, каково бы оно ни было по содержанию или форме: благочестивое или еретическое, национальное или нет, если только оно истинно-духовно; постольку же идет на пользу русскому народу всякое честное писательство еврея, латыша или грузина на русском языке. Больше того: я думаю, что такая инородная примесь именно «улучшает качество металла», потому что еврей или латыш, воспринимая мир по-особенному — по-еврейски или по-латышски,— поворачивает вещи к обществу такой стороной, с какой оно само не привыкло их видеть.— Вот почему, сознавая себя евреем, я тем не менее позволяю себе писать по-русски о русских вещах. Это — сознательно, т. е. так я в мыслях, назад и вперед, оправдываю свою работу. А пишу я каждый раз потому, что мне этого хочется, т. е. вот сейчас по ходу моих мыслей хочется читать о Пестеле, и думать о нем, и потом написать, а вчера потому же хотелось читать славянофилов и писать о Киреевском ³.

А что Вы «плачете» о России, этого я не понимаю. Можно скорбеть о пошлости, пустоте, своекорыстии всех этих адвокатов, газетчиков, политиков, профессоров — правых и левых,— среди которых мы живем, можно также скорбеть о положении и России (голод, безземелье, бесправие и пр.), но о России бывший историк должен бы правильнее думать. Да это, я думаю, так, минута у Вас такая. По природе Вы благословляете мир и все видите в радости; да вот расстроились нервы или переутомление. и хочется поворчать или пожаловаться

О Николае I Вы неверно у меня прочитали: я как раз оспариваю мнение, что он «покупал» декабристов. Может, неловко выразился.

Печерина я скажу на складе, чтобы Вам послали; и прошу у Вас одолжения: я велю послать Вам 2 экземпляра, Вы же будьте так добры, передайте, пожалуйста, при случае второй экз. В. А. Тернавцеву⁴, которого я издавна книжный должник.

Ваш М. Гершензон.

¹ Сохранился черновик этого письма (ОР ГБЛ, ф. 746, к. 26, ед. хр. 37).

² Грингут Владимир Андреевич (1851—1907) — публицист, редактор газеты «Московские ведомости», основатель Русской монархической партии.

³ Помимо статей об И. В. Киреевском Гершензон в издательстве «Путь» подготовил двухтомник писателя (Киреевский И. В. Полное собрание сочинений в 2-х томах. М. 1911). Ему принадлежит и исследование о П. В. Киреевском — предисловие к книге «Русские народные песни, собранные П. В. Киреевским» (т. 1, М., 1910). В 10-е годы Гершензон готовил специальную статью «Славянофильство» для «Энциклопедического словаря» братьев Гранат; она не была опубликована (см.: ОР ГБЛ, ф. 746, к. 8, ед. хр. 30). Гершензон даже оправдывался в своем увлечении славянофилами; он писал брату 3 ноября 1910 года по поводу статьи о нем Горнфельда: «Ничего, я доволен, именно тем, что Горнфельд подчеркнул мою связь с еврейством. А то мне надоело, что меня называют славянофилом; а теперь еще под моей редакцией выходит Киреевский» (Гершензон М. О. Письма к брату. Л. 1927, стр. 174—175).

⁴ Тернавцев Валентин Александрович (1866—1940) — писатель-богослов, учредитель Религиозно-философского общества в Петербурге. Был близким другом Розанова.

16. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«23 января 1912»

Спасибо, Мих. Ос., за письмо, столь содержательное. Как Вы мне хорошо объяснили меня себе самому. Но откуда при личном страдании, у Вас такая ε'υφροδυνη¹ не только книг, но и писем. «Каждая строчка ложится на свое место». Какая противоположность моему хаосу. Какая интересная (заглянул) биография Печерина. Вот — роман, вот — жизнь. Я всегда верил в Вашу любовь к русским, но меня смущало «неодолимое семитическое влияние» (в литературе), «черенок-прививка» к русской душе вот этого «хорошо — рассчитывающего», застегнутого, не «вихрастого» семитизма. Смотрите, как лежат у них красиво чалмы, и

Смуглые ручки порой подымали — край палатки («Три пальмы»). Разве можно сказать о русской бабище, что ее «ручки подымали» что-нибудь. Она вечно «задеря подол». Но (вот этого-то Вы и не поймете, да и не примиритесь с этим) — жаль культурно и исторически и этой «бабы», и черт ее дери с ее «распутством». Ибо все-таки это был своеобразный цветочек в мире, и жаль его затоптать, что если кто его затопчет. Вот и весь я, мой милый. Хотелось (нужно бы) по получении письма попросить у Вас одного литературного совета, но «дни-часы-рубли» Вам трудится дороже, чем мне, и не решаюсь. Ну, Господь с Вами. Не сердитесь на 2 р.: смею ли я отнимать у Вас их. Позвольте и мне быть немножко благородным.

В. Розанов.

Я живу очень печально: 16 месяцев трудно больна жена². Удар ее — не прошел.

В. Розанов.

¹ Радость (греч.).

² Варвара Дмитриевна Бутягина, урожденная Руднева (1859(60?) — 1923).

17. М. О. Гершензон — В. В. Розанову

«28 января 1912. Москва»

Дикий Вы человек, Василий Васильевич, получите Ваши два рубля обратно¹. Буду скоро в Петербурге, зайду к Вам побраниться. Вы решительно изображаете меня немчиком, ganz assurat, — а ведь Вы ни меня не знаете, ни читали моего, почему же Вы судите? И семитизм не так прямолинеен и рационален, и Россия не в «бабище дебелий и румяной». А что Вам дорога историческая складка над бровью или бородавка, это потому что Вы художник, и в этом Ваша правда и сила. Ну, всего не напишешь.

Ваш М. Гершензон.

¹ Розанов прислал Гершензону два рубля за подаренную ему книгу «Жизнь В. С. Печерина».

18. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Конец января 1912»

М. О.!

Как мне г л у б о к о неприятно возвращение 2 р.; Вы как римский воин «tangita meos circulos»¹. С давних пор мне **противна** русская неряшливость в деньгах, которая, сочетаясь с «идеализмом», являет нередко возмутительное плутовство. «Милый мой, — да я совсем и забыл про должок: такая мелочь!!» И с давних пор я,

Нарушив все священные обеты² —

я исполнил этот крошечный обет: всегда честно платить, даже в гривенниках. И сколько мне радости дали эти гривенники (за рисовку понять древних, при их покупках, лет за 10 я уплатил до 15.000 р.)³.

Когда я был у Вас, меня поразила (и конечно понравилась) бедность обстановки, холодный кофе и мало прибранная жена. «Это не магнат Венгеров»: хотя какой же у Венгерова дар сравнительно с Вами. И затем месяца 1½ назад коротенький рассказ москвича о Вас⁴, по поводу «Пути»⁵ и какой-то книги: «и представьте, это Гершензон сделал не по какой-нибудь причине, а по глубокой нужде в деньгах», «он — страшно нуждающийся человек». Это молодой ученый (юноша почти) сказал с глубоким сочувствием к Вам и с глубоким уважением (из Моск^{овской} Дух^{овной} Академии). Нужно сказать, как я сам прошел «азы» нужды — от 1893 до 1898 г.⁶, то слишком все тут понимаю, до «социального вопроса», до «Савицкого» (в Витебске, разбойник)⁷.

И когда Вы мне прислали «с перссылкой» естественно на 2 р., я уплатил. С такой радостью. Но Вы у меня этот «святой гривенник», этот новый и важный шаг в русской культуре — похитили, подражая Груберам и Грановским⁸, и вообще «распущенной Москве».

Пишу это не из мелкого тщеславия: но ей-ей это из лучших завоеваний в мою душу (увы, не многих). У всякого есть свои «мелочи», и ей-ей мелочи слаще большего.

В длинном письме меня совершенно убедили (поразив новизной и верностью) слова: «Чтобы трудиться, чтобы писать, и писать томы, — добавлю, с воодушевлением, — нужно иметь так сказать взрыв испочки пороха под каждой страницей, — моментальное на этот вечер воодушевление. И если я столько пишу о русских и русской литературе, то это значит, что я искренно и глубоко и люблю их, без всяких имитаций»⁹.

Ну, довольно.

Ваш Розанов.

(Не очень хорошо, что Вы мне пишете фальшивые «преданный» и проч.)

Убедился, что не заказные письма — не доходят.

¹ Перефразированные слова Архимеда, сказанные римским воинам, ворвавшимся в его дом: «Noli tangere circulos meos — «Не трогай моих кругов (чертежей)» (лат.).

² Цитата из «Гамлета» (акт III, сцена IV).

³ Речь идет об увлечении Розанова нумизматикой. Ему принадлежит специальная работа «Об античных монетах» (см.: Спасовский М. М. Розанов в последние годы своей жизни. Нью-Йорк. 1968).

⁴ Видимо, имеется в виду Сергей Алексеевич Цветков (1888—1964), историк литературы, библиограф Розанова.

⁵ Книгоиздательство, выпускавшее философскую, религиозную литературу. Издательница — М. К. Морозова.

⁶ В 1893 году Розанов переехал в Петербург и поступил чиновником канцелярии Государственного контроля, где прослужил до 1899 года; «азы нужды» кончились в 1899 году, когда Розанов стал постоянным сотрудником «Нового времени».

⁷ Известный разбойник, стоявший во главе шайки наемных крестьян, занимавшихся грабежами в Витебске и его окрестностях. В 1909 году газеты вспомнили о нем в связи с появлением банды «внуков Савицкого», действовавшей в Минской губернии теми же методами (см. «Русское слово», 15 июля 1909 года).

⁸ Г р а н о в с к и й Тимофей Николаевич (1813—1855) — историк, профессор Московского университета.

⁹ Местонахождение «длинного» письма Гершензона неизвестно.

19. М. О. Гершензон — В. В. Розанову

Москва, 8 марта 1912 г.

Удивительный Василий Васильевич, три часа назад я получил Вашу книгу, и вот уже прочел ее¹. Такой другой нет на свете — чтобы так без оболочки трепетало сердце пред глазами, и слог такой же, не облекающий, а как бы не существующий, так что в нем, как в чистой воде, все видно*. Это самая нужная Ваша книга, потому что, насколько Вы

единственный, Вы целиком сказались в ней, и еще потому, что она ключ ко всем Вашим писаниям и жизни. Бездна и беззаконность — вот что в ней; даже непостижимо, как это Вы сумели так совсем не надеть на себя системы, схемы, имели античное мужество остаться голо-душевым, каким мать родила,— и как у Вас хватило смелости в 20-м веке, где все ходят одетые в систему, в последовательность, в доказательность, рассказать вслух и публично свою наготу. Конечно, в сущности все голы, но частью не знают этого сами и уж во всяком случае наружу прикрывают себя. Да без этого и жить нельзя было бы; если бы все захотели жить, как они есть, житья не стало бы. Но Вы не как все, Вы действительно имеете право быть совсем самим собою; я и до этой книги знал это, и потому никогда не мерял Вас аршином морали или последовательности, и потому «прощая», если можно сказать тут это слово, Вам Ваши дурные для меня писания просто не вменял: стихия, а закон стихий — беззаконие. Чем старше становлюсь, тем легче иду на исключения. В 20—25 лет для меня Пушкинская ясность была канонem поэзии, а теперь вот я признаю за Вяч. Ивановым право писать непонятные стихи, потому что, кажется мне, он — Божьей милостью². Так и Вы — Божьей милостью.

А на другой день, в понедельник, встретился я у Вяч. Иванова со Столпнером; я его тут в первый раз увидел, и долго говорил с ним о Вас, и осуждал его, что он отстранился ради «морали». Мог бы, кажется, стать выше морали.— Напрасно Вы не вставили в книгу заметки, которая была несколько лет назад в «Северных цветах» кажется; еду на извозчике, вынимаю портсигар, чтобы закурить, и пр. Это одна из лучших Ваших страниц. Я Вас с нее и узнал³.

Ну, будьте здоровы, и Вашей жене от души желаю, для нее и для Вас, совсем поправиться. Прошу Вас передать ей мой привет. Она мне была очень симпатична.

Ваш М. Гершензон.

* И вместе трепетный, как самое сердце.

¹ Речь идет о книге Розанова «Уединенное» (СПб. 1912). Глубокая характеристика книги запомнилась Розанову, писавшему осенью 1918 года Э. Голлербаху: «Гершензон тоже писал, что это («Уединенное». — В. П.) совершенно антично по простоте, безыскусственности. Это меня очень обрадовало: он знаток» («Письма В. В. Розанова к Э. Голлербаху». Берлин. 1922, стр. 54).

² С Вячеславом Ивановичем Ивановым (1866—1949) Гершензона связывала давняя дружба, увенчавшаяся совместной книгой «Переписка из двух углов» (1920). Об их взаимоотношениях см.: Иванов Вячеслав. Собрание сочинений, т. III. Брюссель. 1979. (Прим. О. Дешарт.)

³ Речь идет о фрагменте из «Мимолетного» Розанова (см.: «Северные цветы на 1903 год». М. 1903, стр. 151).

20. М. О. Гершензон — В. В. Розанову

Москва, 28 октября 1912 г.

Благодарю Вас очень, Василий Васильевич, за память и за подарок¹. Хотелось бы знать, кто это Аноним в конце книги². Умница. Очень важно то, что он говорит на стр. 287—288; и мне тоже кажется, что Вы сделали важную ошибку, не учтя в истории этого факта,— ошибку во всем историческом объяснении полового вопроса.— Но это все-таки частность; главное то, что Вы, несомненно для меня, сделали великое открытие, подобное величайшим открытиям естествоиспытателей, и притом в области более важной,— где-то у самых корней человеческого бытия. Напрасно Вы скромно отрёщиваетесь вопросительным знаком от эпитета: научный; Вас вела интуиция по тому же пути, куда направляется теперь (и больше оцупью, чем Вы) наука: Вы наверное знаете о теориях проф. Фрейда и его сподвижников³.— Но трудно преодолевать смущение, читая Ваш «Лунный свет»; смущение это вероятно естественное, как говорит Ваш Аноним, отчасти конечно и взлелеянное историей. Вы, подобно врачу, просто говорите об этих скрываемых вещах, а мы, пациенты, краснеем.

Ваш М. Гершензон.

¹ Речь идет о книге Розанова «Люди лунного света» (СПб. 1911).

² Аноним — П. А. Флоренский.

³ В эти годы З. Фрейд был уже достаточно известен в России. Розанов в «Людах лунного света» ссылается на двух психоаналитиков — О. Вейнингера и Р. Крафта-Эбинга. Ссылок на Фрейда у него нет.

21. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Около 26 декабря 1912»

Ну, милый Гершензон, я обиделся, что не получил от Вас писульки,— таким красивым ровным почерком. Я о Вас часто думаю, и когда пишу дурно об евреях: всегда я больно думаю — «это будет больно Гершензону»¹. Что делать, после † Столыпина у меня как-то все оборвалось к ним (посмел ли бы русский убить Ротшильда и вообще «великого из ихних»). Это — простите — нахальство натиска, это «по щеке» всем русским — убило во мне все к ним, всякое сочувствие, жалость. И вот тут как-то болью проходит отношение к Вам (и Столпнеру, с коим я перестал кланяться: он большой еврейский патриот), что делать:

Мы хотим — одного.

А жида хотят — другого.

Жму руку. Вас очень любит (не просто уважает) Цветков из Москвы, как я думаю — огромная надежда России, а по вкусам, по знаниям, по симпатиям — «2-ой Гершензон». Во многом — человек удивительный. Он очень хочет близости к Вам — и я думаю, когда Вы его узнаете,— и Вам он будет очень интересен. Тонкость и изящество вкусов у него — необыкновенны. И — огромные сведения у такого еще молодого.

В. Розанов. Коломенская, д. 33.

¹ Розанов имеет в виду две свои последние статьи — «Есть ли у евреев тайны» («Новое время», 9 декабря 1911 года) и «Иудейская тайнопись» («Новое время», 12 декабря 1911 года), которые затем вошли в его книгу «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» (1914).

22. М. О. Гершензон — В. В. Розанову

Москва, 26 декабря 1912 г.

Как же так, Василий Васильевич: получив 2-е издание Людей лунного света, я написал Вам, значит, письмо пропало. Еще я спрашивал там, кто это умница писал Вам письмо, напечатанное в Приложении. Потом узнал, что это Флоренский.

Это правда, что Вы пишете: Ваши писания о евреях делают мне очень больно. И главное — их тон. Вы меня простите: я не верю в Вашу искренность здесь, в этом пункте. Я думаю, что евреи, вся масса нынешних русских евреев, для Вас просто не существует, и Вы к ней так же равнодушны, как ко всякому небытию, как к прошлогоднему снегу. Вы ее не видели, Вы знали только несколько человек, по которым не могли судить — и так дурно — о целой расе. Вы не видели также ее эксплуатации, конечно, Вы можете на этот счет верить другим, или печатному, но тогда Вы бы стали с равным озлоблением нападать и на полицию, которая взятками высасывает народ, и т. д., — а главное на водочную монополию, которая ведь — этого не будет отрицать самый заядлый юдофоб — есть главный эксплуататор русского народа, страшнейшая из всех его язв. Значит и не эксплуатация Вас восстанавливает против евреев. Я думаю, что дело не в осязаемом или зримом чем-либо, что дело в каком-то невесомом элементе еврейского духа, который Вам глубоко претит и заставляет ненавидеть весь этот дух; может быть это четкая рассудочность, членораздельный расчет еврейского ума (так странно сочетающийся с восточным пафосом и риторикой), может быть что-нибудь другое, но это во всяком случае что-то психическое и только психическое. Но тогда — будьте же последовательны: такое чувство дает Вам право говорить только о психическом вреде еврейства, а не о еврейском засилии или эксплуатации; и тут, став на эту, для Вас единственно правильную точку, Вы бы тотчас поняли, что и об этом вреде Вы по совести не вправе говорить. Как может отдельный человек своим рассудочным мышлением судить о полезности или вредности целого душевного организма, как дух расы? Тут все значит — целое, а выделять элемент из такого целого и оценивать этот элемент в отдельности — ведь грубее нет ошибки. Да приложить к Вам: Вас можно любить только как целое, а отдельных черт в Вас множество таких, что за каждую отдельную Вас можно и должно ненавидеть (что и делают по неразумию многие); и то же самое с Вашей, с моей женой, со всяким человеком. Муж и жена только тем и держатся в любви, что ценят друг друга как неразложимое целое, а чем человек мне равнодушнее, тем легче мы сбиваемся на расценку (рассудочную) его отдельных черт. Это с отдельным человеком. А дух целого

народа еще много сложнее. В огромный котел сложнейшего химического состава — в психику русского народа — вливается струя другого, не менее сложного состава — еврейская; какой разумный человек решится сказать, что получится в результате этой безумно сложной химической реакции? Неприятная вам черта еврейства — это один элемент, в отдельности притом и не существующий; даже об этом одном элементе разве Бог один может судить, вредную или полезную реакцию он произведет в русском народе; а о действии всего влияния — кто может судить? И выходит, по-моему, по крайней мере, что о вещах такого большого, исторического калибра, просто невозможно мыслить; это в мириады раз превышает силы нашего ума. Да и то сказать: так ли это важно? котел-то огромный, а еврейская струя по сравнению очень мала, и льется в котел много других еще струй — и бесчисленные западные влияния в виде сношений личных, торгового обмена, литератур, и два десятка русских инородческих национальностей кроме евреев. Если химическая основа крепка — все претворится в нем на благо, будет чудный, чистый расплавленный металл, и нездешние руки в нездешней форме отольют из него колокол с всемирным ясным благовестом; в это я верю. Будет колокол не хуже, а вероятно и лучше тех, которые звучат донныне нам в песнях Гомера, в еврейской Библии, в сказаниях о Катоне, Сципионе и Гракхах. И Вы — не беритесь судить о правильности Божьего дела: в таких, повторяю, великих явлениях, как стихийное влияние миллионов людей на миллионы других людей, мы не судьи. Так что я думаю 1) что Вы только по заблуждению пишете о засилии евреев: оно для Вас безразлично, Вы его не знаете и пр.; а суть — в Вашем отвращении к каким-то чертам еврейского духа; 2) об этих чертах Вы можете сказать только, что они Вам противны, но никак не вправе утверждать, что они искажают русский народный дух: этого Вы просто не можете знать. И от этого недоразумения и непоследовательности Вашей происходит то, что тон Ваш в Ваших еврейских статьях — нехороший, фальшивый, мелочно-злой. Не говорю уже о бесчеловечности этой травли; масса еврейская живет в такой страшной нужде, в таких нечеловеческих страданиях, что травить на нее правительство еще и еще — большой грех; но это Вас не может трогать, раз Вы чувством не любите евреев и физически не осязаете их присутствия, а только присутствие их психики.

Я написал Вам азбучные истины, но для меня совершенно подлинные; и мне тоже очень больно думать, что прочитав это письмо, Вы даже не подумаете о нем, а просто без всякой мысли об этих вещах завтра возьмете перо и по привычке напишете дурную (потому что не обдуманную и не прочувствованную) статью о вреде евреев. Вам стоило бы минуту остро подумать, и Вы навсегда отказались бы писать об еврейском вреде; но Вы не чаете себе труда подумать. Есть у меня знакомый князь, молча глубоко гордый своим княжеством, он говорит: «я монархист, и не хочу об этом вопросе даже сам с собою думать». Так и Вы, но тот по бессознательному крепкому чувству, а Вы, мне кажется, — только по лени: дескать, не стоит усилия. Вы бы, если бы подумали, поняли бы в этом деле не только мое, но и много больше моего.

Ваш М. Гершензон.

Вам будет приятно узнать, что «Путь» решил, по моему предложению, издать полное собрание сочинений любимого Вами Аполл. Григорьева; я же и буду редактировать¹. Ежели Вы знаете какие-нибудь неизданные материалы, укажите мне, пожалуйста.

¹ Издание А. Григорьева Гершензон не осуществил

23. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Конец 1912»

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Я узнал молодого поэта по фантазиям, по слогу, — по прекрасным воззрениям: — который хочет писать. Он москвич, и первым делом я спросил его, знает ли он Гершензона. Хотя он не высказывал желаний познакомиться с Вами (он вообще застен-

чив), но мне самому захотелось, чтобы Вы познакомились с ним. Простите меня за навязчивость: но пусть к Вам течет все талантливое. Зовут его: Григорий Викторович Рочко¹.

Не сердитесь на единого и вечного.

В. Розанов.

(Познакомьте его и с Грузинским².)

¹ Р о ч к о Григорий Викторович — поэт, критик; в скором времени состоялось его знакомство с Гершензоном (см. письма Рочко Гершензону — ОР ГБЛ, ф. 746, к. 40, ед. хр. 69).

² Г р у з и н с к и й Александр Евгеньевич (1858—1930) — литературовед, с 1909 года — председатель Общества любителей российской словесности.

24. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Конец 1912»

Спасибо, милый Мих. Ос., за письмо (о евреях): и если «за дело будете драть» (т. е. розга) — спасибо же. Вообще я всегда от Вас жду всякой правды, и чем она суровее будет — тем слаще мне, т. е. слаще как килька «с перцем и уксусом».

Любя Вас — не буду говорить. Не хочу мучить Вас. Рочко (он — еврей) мне тоже говорил; говорил мягко, поэтично. И мне от его «поэзии» стало невыносимо больно, и в новое «Уединенное» я много об евреях написал почти на полях его письма¹.

Да, евреи т е п е р ь — холодны мне.

Но вот новое, что я наплел (подробности Вам передаст Рочко); страшны конечно не «пороки» их; кому опасны пороки? В пороках сам сгниешь. Страшны их колоссальные исторические и социальные добродетели.

Вот что мне жжет душу. И не могу никуда уйти от этого жжения.

Евреи — выживут, а русский народ погибнет — в пьянстве, распутстве, сводничестве, малолетнем грехе.

Вы скажете: «пьяному и развратному туда и дорога». Вы так скажете — о ч у ж о м. А «родному» и п ь я н ы й с ы н д о р о г, и распутная дочь — драгоценна.

Нет, не легкомыслие у меня, не минута: а жжет душу, гнетет душу.

Знаю, что не по внешности, а внутренне эти статьи бесконечно литературно роняют меня: но человек кричит из писателя.

Ну, невежа В. Розанов (не хотите).

Прервали.

Со двоими советовался о В«ашем» письме (давал его прочесть: оба знают Вас и оч«ень» уважают): и засмеявшись сказали: «То, что Вы пишете о евреях» — мелочь сравнительно с тем негодованием, какое они вызывают захватом всего». Да разве Вы не помните, что и Куприн тоже сказал: «нельзя двинуться в литературе без еврея», а Куприн бесстрашный и 3-й человек.

Боль. Боль и боль.

Может Вы меня и возненавидите, и это грустно мне, но что делать. Лично я от евреев только прекрасное видел, и напр. отношение ко мне Руманова из «Русск. Слова» (Аркадий Вениаминович)² — удивительно по тонкости, деликатности: и я не забуду, как этот еврей по телефону говорил мне поддерживающие и укрепляющие слова (в пору полемики с Пешехоновым), когда ех-поп Григорий Петров обрушился, подумав, что «меня окончательно съели», — бранно-презрительным письмом, где между прочим Церковь выругал «проституткой» (и я ему перестал после этого писать, несмотря на его последующее заискивание)³.

Конечно, евреи умнее (ибо исторически старше) русских и имеют великое воспитание деликатных чувств, деликатных методов жизни — от Талмуда, от законов Моисея, да и оттого, что все дурное и слабое там выбито погромами, начатыми в Испании, где не было Суворина, и в Запорожской Сечи, где не читалось Новое Время.

Слава богу, что Вы издаете Апол. Григорьева. Бездна его писем конечно у Страхова⁴ и у наследника его, преподавателя гимназии в Киеве, издающего его сочинения: но его фамилии я не помню⁵ (верно есть на обложке посмертных изданий Страхова);

справьтесь в Румянцевском Музее и напишите ему. Здесь живет, кажется, внук его, и встретив его — я скажу ему. Он — «Григорьев» и библиотекарь, кажется, при Академии наук, энтузиаст деда.

¹ Речь идет о новых эссе, вошедших в «Опавшие листья» (1913).

² Р у м а н о в Аркадий Вениаминович (1878—1960) — заведовал петербургским отделением газеты «Русское слово», в которой сотрудничал Розанов.

³ Статья Розанова «Открытое письмо А. Пешехонову и вообще нашим социал-сутенерам» («Новое время», 15 декабря 1910 года) была ответом на статью Алексея Васильевича П е ш е х о н о в а (1867—1933) «Бесстыжее свстило, или Изобличенный двурешник» («Русские ведомости», 2 декабря 1910 года; П е т р о в Григорий Спиридонович (1867—1923) — бывший священник, лишенный в 1908 году сана, регулярно выступавший против монашества, церковных институтов.

⁴ С т р а х о в Николай Николаевич (1828—1896), «литературная нянька» Розанова, оказал на него заметное влияние (письма Страхова к Розанову см.: «Литературные изгнанники», т. 1, СПб. 1913).

⁵ Речь идет об издателе Страхова И. П. Матченко.

25. М. О. Гершензон — В. В. Розанову

Москва, 6 января 1913 г.

Милый Василий Васильевич, Ваше письмо я получил, но наш спор ни к чему. Вы не хотите или не можете слушать, Вы наглухо заперлись в своей фантастике от здравого смысла, от человеческого чувства, от всего, что может внести свет в ее тьму. Ваши рассуждения о евреях так нереальны, что для меня ни на минуту не возникает сомнения: пружина Вашего поведения — не в Вашей логике, а в чем-то психологическом. И если бы Вы дали себе труд углубиться, — Вы бы нашли этот психологический узел, и тогда все Ваше отношение к евреям распуталось бы; я не говорю — улучшилось бы, — этого я не могу знать, — но уяснилось бы. Рочко говорил мне о Вашей теории содомизма, — но это еще большая фантастика, безнадежная ¹.

Рочко был у меня, потом принес свои две статьи. У него, по-моему, сильный писательский темперамент, он мыслит своей головой, и ярко. Беда его в том, что у него, как у мухи, сто глаз; а чтобы быть большим писателем, надо ослепнуть на 98 глаз, и чтобы осталось только два, больших, как у бегущего паровоза ночью. Он еще молод, если жизнь оглушит его здоровенным ударом извне или изнутри, он ослепнет и прозреет на два глаза; а иначе — из него выйдет, как мне кажется, философский Чуковский ².

Кстати: он приносил мне Вашу книжку о Суворине, но я успел прочитать только часть ³. Если у Вас есть свободные экземпляры, пришлите мне. Об Ап. Григорьеве, пожалуйста, не забудьте; расспросите тех, кто может знать его неизданное.

Ваш М. Гершензон.

¹ Имеется в виду книга Розанова «Люди лунного света», где «содомизм» определяется как «±полового вожделения» (стр. 99). Гершензон, вероятно, задет национальными экстраполяциями этой «теории», вылившимися впоследствии в книгу Розанова «В соседстве Содома (Истоки Израиля)» (СПб. 1914).

² Гершензон уже писал о том, что у Чуковского «мысли, а не мысль», что нет единства взглядов и единства «моральной личности» («Вестник Европы», 1908, № 3, стр. 412).

³ Речь идет о книге «Письма А. С. Суворина В. В. Розанову» (СПб. 1913).

26. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Январь 1913»

Вы чрезвычайно меня обрадовали и сделали большое добро и личное, и, я думаю (в конце концов), литературное, написав письмо с «милый В. В.»: я думал — Вы уже не напишете и вообще «разрыв». Это добро, нужно заметить, я испытывал и от Столпнера (теперь совсем разошлись, не кланяемся), и вообще я знаю это еврейское, что они культурнее и во многих отношениях исторически-аристократичнее русских и вообще европейцев.

Ах, многое я «знаю» и от этого-то душа и болит:

Ну, итак: СПАСИБО.

Удивительно все, что Вы написали о Рочко (нужно из 98 глаз закрыть 96, чтобы быть крупным писателем) и о Чуковском. Увы, я думаю, последний выдохся и исписался, при всей молодости и «едва-едва начале». Это ужасно мелко. Так в сущности талантлив по

природе, горит, блестит etc. Остер и остроумен. И — меток. Но это (т. е. судьба Чуковск<ого>) показывает, что невозможно протянуть длинную нить писательства, не имея явно или подспудно морального пафоса, и вообще пафоса. «Что за стрела, которой некуда лететь». А ему решительно некуда лететь¹. Вообще в обмен на доброе мне хочется Вам сказать тоже доброе: я много думал о судьбе евреев в русск<ой> литературе и как им трудно и как нелегко вообще им тут быть, «чай пить». Венгеров (он добрый и честный) слишком туп, толст и, отметя все еврейское, стал просто «русским либералом» и приват-доцентом. Это не глубоко, не интересно и едва ли кому нужно удвоение приват-доцентов. Вы с неизмеримо большим умом и вкусом избрали разработку и историю славянофильства, и не я один, а множество русских и даже вообще, я думаю, русские оглянулись на это с удивлением, и, я думаю, с затаенным восхищением. Очень немногие (все-таки — есть) — с недоверием как к невозможности (т. е. с недоверием не к личности Вашей, а к трудности и невероятности факта).

Оставляю совершенно Богораза (Тан) и Изгоева, из коих один делает скверное русское дело и другой скверное и фальшивое дело². Совсем откидываю в сторону «Шиповник», который до известной степени призывает погром на евреев (=Герценштейн; «рукой русских»)³. Дальше Айзманы и Шоломы Аши изобретают теперешнюю «черту» (оседлости), тупое, слепое, голодное, мелкое — безысходное «гетто»⁴. Переферкович без всякого смысла переводит Талмуд⁵. Но вообще это, конечно, не «выход».

Оттого я и полюбил Столпнера, что он мне показался «выходом». Бедный, почти нищий, он какой-то Белинский без слов, без милых «Литературных мечтаний». Он вполне еврей и только еврей. Он не примазывается к русской образованности, он «помнит отца и мать»: иногда я его мысленно сравнивал с «отцами Талмуда», великими Гаонами⁶. По молитвослову в Вильне он выучился по-русски, зачитывался Некрасовым, Белинским, и общечеловеческим сочувствием и не мурмольным сочувствием полюбил русских крестьян и русскую книгу, русский журнал. Вообще разрыв со Столпнером у меня чрезвычайно болит в душе, я его не только уважал, но полюбил в его гордости и тайной ласке (ко мне, — было). Это был самый дорогой у меня гость в комнате. Удивительное в нем — глубокая аристократичность крови, аристократичность манер (да! да!), аристократичность всего духа. Мы просиживали ночи, и он мне выдал кое-какие крупницы великих и трогательных еврейских тайн: 1) евреи веруют, что на субботу им даруется каждому — вторая добавочная душа, и он имеет 2 души, 2) мать и отец особенно любили меня, и хотели «мальчика», ибо по еврейскому воззрению — сын есть молитвенник, к е д е ш о п а м я т и о т ц а после его смерти, т. е. «молитвенник за упокой души». В знакомство мое с ним мы никогда о политике не разговаривали (неинтересно было), но теперь я думаю, что он погубил свою возможную роль на Руси, прекрасную и трогательную и поучительную роль Сковороды⁷, — записавшись в социал-демократию, после чего перестал *быть виден* как именно еврей и как свое «я». Т. к. он моложе меня, то я вижу, естественно, дальше горизонты: «еврейский вопрос в России» разрешился Столпнером, ибо он был нужен и полезен и благ всякому русскому и целой России тем, что нес ей себя и знал и научал общим и спасительным тайнам, спасительным для всякого «я», которые конечно содержатся у древнего народа, видевшего построение пирамид. Евреи никогда не должны забывать, что в русском селе и в Лондоне Псалтырь есть любимейшая наравне с Евангелием книга и что Библия — свята и для нас. Вообще в юдаизме, в его гордом и не колеблющемся «я», есть общечеловеческое достоинство, общечеловеческая истина, не истина « $2 \times 2 = 4$ », а какого-то невыразимого величия и достоинства духа, кроткого в унижении, вдруг ласкового в победе (есть одно такое удивительное место в Библии) и т. п. Мне кажется, евреи делают великую ошибку, ошибку для своего счастья, ошибку для своего развития, затормозившись в русскую журналистику, которой жизнь — 1 день, и думая, что они «преуспевают» Шиповником. Даже непонятно, как такой умный народ мог опуститься до такой пошлости. «Мы несем Псалтырь, а не Шиповник», «мы понимаем ТРУД царя, а не наполняем его правительство» (один день жизни) — вот ПУТЬ евреев. От мужика до министра все бы оглянулись на эту серьезнейшую нацию, идущую торжественно с Богом и законом, с Царем и повиновением, с великою святою семьею, коей они дали первые тип и образец. «Что же один Розанов говорит о разводе⁸, — он „нововременец“» и ему быть тоже «1 день»: было бы иное, если бы Слонимский⁹, Гершензон, Столпнер стали советовать русскому правительству, как устроить семью. Словом, великое еврейство могло бы идти параллельно русскому народу, «неся сосуд с маслом на голове» и отнюдь не переходя в русский кабак и русскую журналистику. И как правительство, так и народ принял бы это еврейство Псалтыри, как

мы приняли «яко свосго» Давида и отчасти даже Соломона. А то — адвокаты, банки и часовщики: мы — задыхаемся. Задыхаемся мелкой торговой злобою. Столпнер мне показал (и как люблю его, прямо незабвенно), что есть «царственное» в теперешнем еврее, спокойном, не завидующем, бедном, книжном. Столпнер мне открыл «правду еврейства», которую я увидел и вздохнул о ней ему в спину. Еще печально, что он чуть-чуть и незаметно ненавидит Христа и христианство (я был испуган, но это — очень незаметно): это страшно и печально, и евреям в их ПУТИ надо вовсе это оставить и, не переходя в христианство (хотя я знаю трогательнейшие случаи и перехода) как бы забыть его вовсе и никогда с ним не враждовать.

Устал. И еле ручка мажется. Ведь я Вам послал «Письма Суворина», наверно помню, как писал адрес. Сейчас — пошлю.

Любящий и благодарный В. Розанов.

«Приписка на обороте:»

Еще:

Это — великая культура денег. Ведь я, Вам послав 1 р. 80 к. за книгу, исполнял свое самосознание и свое благородство. «Даром» (вечно у русских) — это плутовать под видом простоты, «даром» — этим вся Русь живет и вся Русь становится *через это* сутенером. Я очень хорошо знаю, что русские сутенерничают и у евреев, и у них просят «на чаек». От «пирамид» до сего дня «жид» (в гетто) понимает, что есть Бог в деньгах и что когда Бог в деньгах — деньги будут расти. А Бог в деньгах — честный расчет, исполненный вексель, «каждому за труд его». Русские этого не понимают и со своим «на чаек», конечно, погибнут, подшивая подолы у Ривок через 100 лет. И здесь Слонимский, Гершензон, Венгеров могли бы закричать: — Эй, русские, не гибнете. Честно платите и век трудитесь.

Словом, в еврействе есть 2—3—4 вещи у н и в е р с а л ь н о нужных, о коих «скажет мир», и научить универзус этим вещам — их роль, призвание, «положение в мире» и, скажем по-русски, — «на это их Бог благословил».

¹ Пассаж о Чуковском обнаруживает хорошее знакомство Розанова с рецензией Гершензона на книгу «От Чехова до наших дней». Слова о стреле повторяют суждение Гершензона: «...он (Чуковский.— В. П.) просто забавляется, пуская меткую стрелу во всякого проходящего...» («Вестник Европы», 1908, № 3, стр. 412). Чуковский в 1911 году задел Розанова такой «стрелой» — после появления книги Розанова «Когда начальство ушло» написал «Открытое письмо В. В. Розанову», где назвал его духовным трупом (Ч у к о в с к и й К. Критические рассказы. СПб. 1911, кн. 1, стр. 168).

² Б о г о р а з Владимир Германович (1865—1936; псевдоним — Н. А. Тан) — этнограф, поэт, был связан с революционной деятельностью — «скверным», по Розанову, делом. Александр Соломонович И з г о е в (1872—1935; настоящая фамилия Ланде) проделал эволюцию от социал-демократии к кадетству, став членом ЦК кадетской партии.

³ Владельцами издательства «Шиповник» были С. Ю. Копельман и З. И. Гржебин. Процветающее издательство печатало лучших русских писателей (отсюда пассаж Розанова о «рукой русских»). Розанов почти в это же время, говоря о возвращении политэмигрантов, напишет в статье «Не нужно давать амнистии эмигрантам»: «Евреи сейчас им дадут литературный заработок: в «Копейке» ли, в «Шиповнике» ли, в «Энциклопедии ли Брокгауза и Эфрона» будут платить полным рублем за всякую клевету на родину... Не нужно звать «погрома» в Белосток, не надо «погрома» звать и в Россию...» («Богословский вестник», 1913, № 3, стр. 646—647). «Шиповник» ставится в параллель с Михаилом Яковлевичем Г е р ц е н ш т е й н о м (1859—1906), экономистом и политическим деятелем, чье убийство было организовано членами «Союза русского народа».

⁴ А й з м а н Давид Яковлевич (1869—1922) и А ш Шолом (1880—1957) — писатели (первый писал на русском языке, второй — на идиш, переведен на русский язык), чья тема — унижения и страдания еврейства в России (М. Гершензон написал сочувственную рецензию на «Рассказы» Ш. Аша.— «Вестник Европы», 1908, № 6).

⁵ Отрицательная оценка Наума Абрамовича Переферковича, переводившего Талмуд на русский язык, повторится и в других книгах Розанова. Розанов назовет его Кавельным в православии, добавив, что он «в юдаизме определенно и ясно глуп» («Письма А. С. Суворина В. В. Розанову», стр. 49).

⁶ Сан Гаона — сан главы богословских школ в Суре и Пумбедите (Вавилония), члены которых занимались толкованием Талмуда.

⁷ Столпнер воспринимается Розановым как некий символ «правильного выхода» еврея в России. Его потенциальный путь, по Розанову, — путь еврейского Сковороды, мистического толкователя библейских тайн, научающего им русских. В 1912 году вышла монография В. Ф. Эрнэ «Г. С. Сковорода. Жизнь и учение», активизировавшая эту фигуру для русской философской мысли. Далее Розанов развивает концепцию параллельного сосуществования и параллельного мессианства русского и еврейского народов под эгидой царя.

⁸ См., например, книгу Розанова «Семейный вопрос в России», т. I—II (ПБ. 1903).

⁹ Речь идет о публицисте Людвиге Зиновьевиче С л о н и м с к о м (1850—1918).

27. М. О. Гершензон — В. В. Розанову

Москва, 10 января 1913 г.

Искренно благодарю Вас, Василий Васильевич, за книгу ¹. Какой чудесный латинский эпиграф Вы написали мне! Ведь что важно: если будешь думать о том, что самое важное для тебя — *bene scribere vitam* ², если будешь искренно стремиться к этому, — то помимо твоей воли лучше будут писаться у тебя и *paginae*, и *libri* ³. Прописная истина, а каждый день чувствую, что без нее — худо. Да верно каждый из нас чувствует, все пишущие.

Еще раз спасибо.

Ваш М. Гершензон.

¹ «Письма А. С. Суворина В. В. Розанову».

² Хорошо написать жизнь (*лат.*).

³ И страницы и книги (*лат.*).

28. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Около 14 января 1913»

М. О. ! Что же Вы не откликнетесь на ту радость, какую я сам почувствовал, вернувшись к евреям. Ей-ей: «я думал, Г-н лучше прочих евреев, а оказывается — он хуже их». «Он — о г о и л с я». Евреи — яснее, добрее Вас. Еврей ругается, горячится, но смотрит в глаза всегда полным глазом, о ч е н ь п р я м ы м. Вообще об евреях и их х и т р о с т и — преувеличенная молва; преувеличенная — даже об их у м е. Знаете ли, я люблю «гетто жидовское», их вечный гам, сутолоку, руготню. Во всем этом «добрые нравы», сохраненные от Экбатан в Мидии (Товит и Товия) ¹ до Шекспира, до дома Ротшильда, который я с таким нескончаемым любопытством осматривал во Франкфурте на Майне. и немножко не люблю писателей-евреев, очень не люблю адвокатов-евреев, но уже очень ценю и уважаю врачей-евреев, аптекарей-евреев, и очень не уважаю тех строк Пушкина, которые он наврал в «Скупом рыцаре», бессмертной в общем пьесе ². Два слова о сем: «есть ритуал» или нет — я не знаю (и до сих пор), но несомненно для меня, что ни лично за себя, ни еврейская нация за это не отвечает и не виновата. Это — тайна и неисповедимость ³. Ясное уже для земли и для нас, что «добрее и яснее» жиденка нет никого на свете, что это — самая на свете человеческая нация, с сердцем, открытым всякому добру, с сердцем, «запрещенным» ко всякому злу. И еще верно, что они спасут и Россию, спасут ее, замотавшуюся в революции, пьянстве и денатурате.

Вообще «спор» евреев и русских или «дружба» евреев и русских — вещь неконченная и, я думаю, — бесконечная.

Я думаю, русские евреев, а не евреи русских, развратили политически, развратили революционно. Бакунин и Чернышевский были раньше «прихода евреев в русскую литературу». Флексер и Гершензон, не говоря о милом Левитане, не говоря о чудном Шейне, диктовали благоразумие русским, и не говоря тоже о чудном Гинзбурге (скульпторе) ⁴. Стоит сравнить детскую чистую душу Гинзбурга с плутом Григорием Петровым, чтобы понять, «каковы г. г. Русские» и каковы «проклятые жида». Евреи действительно чище русских... чего Вы не поймете иных литераторов — чище в силу обрезания. Тут и Христос (о н-то скрыл) и Ап. Павел (чистосердечно) ничего не понимали в обрезании. Но Господь сохранился и сберег евреев для себя — верно, верно! Ну, прощайте. Господь с Вами, если и сердитесь. В а м л и ч н о, «худому еврею», я прощаю ради массы еврейской, которая добра, блага и желает счастья России.

В. Розанов.

¹ Т о в и т и Т о в и я — персонажи ветхозаветного предания, изложенного в «Книге Товита» (начало II в. до н. э.). Действие предания происходит в мидийском городе Экбатане.

² Розанов, говоря об аптекарях-евреях, вспоминает образ аптекаря Товия, торгующего ядом («Скупой рыцарь» Пушкина). Имя аптекаря у Пушкина Розанов ассоциировал с благочестивым героем предания.

³ В статье «Есть ли у евреев тайны» («Новое время», 9 декабря 1911 года) Розанов утверждал наличие у евреев ритуальной тяги к крови.

⁴ См. позднейшую статью Розанова «Левитан и Гершензон» («Русский библиофил», 1916. № 1). Ш е й н Павел Васильевич (1826 — 1900) — собиратель русского фольклора. Г и н з б у р г Илья Яковлевич (1859 — 1938) — скульптор. Эти двое, как и Гершензон, смогли, по Розанову, влившись в русскую стихию, сохранить свой национальный менталитет, свое неповторимое лицо.

29. М. О. Гершензон — В. В. Розанову

Москва, 14 января 1913 г.

Милый Василий Васильевич, наши письма разминулись: Ваше заказное я получил на другой день после книги. В Вашем письме много верного и глубокого и много такого, против чего я стал бы спорить, — но во всяком случае все разумно, все человечно. Отчего же Вы этого не печатаете, а печатаете прямо противоположное — как я прочитал в этой же Вашей книге, стр. 50, — «о том очевидном для всех вреде, какой они — евреи — наносят России и русским своим жадным стремлением захватить в свои руки все»¹. Это — о мышах и крысах — или о людях?

Но опять спор, а убедить друг друга мы ведь не можем.

Не понял я, что Вы написали мне о рубле с полтиной. Ваше отношение к этому простому делу кажется мне, простите, неуместной принципиальностью. Если бы Вы у меня или я у Вас занял полтинник на извозчика, мы бы верно при следующей встрече вернули долг. А обмен книгами между пишущими, это все равно, как врачи бесплатно лечат друг друга, и тут не только нет худа, а есть маленькое добро — именно житейская любезность, умягчение отношений. Вот пришлю Вам сочинения Чаадаева, и будем квит². — Книгу (Письма Суворина) Вы мне раньше не присылали, а только теперь впервые.

Ваш М. Гершензон.

¹ В предисловии к книге «Письма А. С. Суворина В. В. Розанову» последний, говоря о «нейтралитете» «Нового времени», заметил: «Об евреях на столбцах газеты просто говорят шутки, и говорят о том очевидном для всех вреде, какой они наносят России и русским своим жадным стремлением захватить в свои руки все».

² Речь идет о первом томе «Сочинений и писем П. Я. Чаадаева» под редакцией М. Гершензона (М. 1913).

30. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Около 10 апреля 1913»

Простите, дорогой Михаил Осипович, — что так долго не благодарил Вас за присылку по обыкновению великолепного издания Вашего: думал это соединить с присылкой своей книги, — но пришлось бы откладывать еще на неделю, на 1 1/2, и потому — спешу. Спасибо. А ведь нужно бы перевести «Письма» на русский, как они уже усвоены в «Телескопе» Надеждиным. Но какой отвратительный рот у Чаадаева. Какое высокомерие, несносное для русского. Это «grand seigneur» Александровских времен¹, и вот на такого стоило выпустить Алексинского (2-ая Г. Дума), горбатого уroda-наборщика, сына уездного врача, с его кислотой убийственной насмешки². Хотя Алексинский в истории культуры — и кончается там, где кончился Чаадаев.

А ведь великолепней кн. Одоевский. Что за благородное русское лицо. Я вообще русских недолюбиваю (за лень и вечное бытовое «сутенерство»), но посмотреть на это лицо — со всем миришься. Что занесносная судьба, что такие люди, как Одоевский, — забыты, никто их 40 лет не читает, и везде суются в руки Цебрикова, Вербицкая и Бокль³. Это все русские приват-доценты наделали, да библиографы вроде Горнфельда и Рубакина⁴. Не понимаю, как правительство допускает открытие новых университетов, в Саратове, в Тифлисе, когда даже в Москве они или «их милости» только портят умный и добрый русский народ. Ну, знаю, что говорю «слишком»: но все хочется подать «реплику» на «письмо Белинского к Гоголю».

Жму руку. Жене Вашей — усердный поклон и привет.

Ваш искренний В. Розанов.

В высшей степени хотелось бы и надо бы для истории цивилизации в России знать, как идут книжки «Пути», в пределах 1.200? 900? 700? 600? Какие заказываются заказы Морозовой? М. б. Вы бы дали табличку мне? Мне хочется всеми силами помогать им, и хочется знать, помогают ли мои статьи в «Новом Времени». Вообще — как в лесу, ничего не видишь.

¹ В первом томе «Сочинений и писем П. Я. Чаадаева» были помещены французские оригиналы работ Чаадаева, во втором Гершензон даст их перевод. Не «письма», а первое «Философическое письмо» Чаадаева было опубликовано Н. И. Надеждиным в «Телескопе» (1836, № 15). В рецензии на гершензонское издание Розанов противопоставит «мраморное католическое лицо» Чаадаева открытому русскому лицу В. Ф. Одоевского (в связи

с изданием «Русских ночей», подготовленным С. А. Цветковым). Они противостоят друг другу, как противостоит Запад России, католицизм — православию, как холод одиночества и тепло семейственных связей (см.: Розанов В., «Чаадаев и кн. Одоевский». — «Новое время», 10 апреля 1913 года).

² Прихотливая мысль Розанова сопрягла фигуру Чаадаева с фигурой Григория Алексеевича А л е к с и н с к о г о (1879 — 1967), политического деятеля, депутата от социал-демократов.

³ Ц е б р и к о в а Мария Константиновна (1835 — 1917) — писательница-народница. В е р б и ц к а я Анастасия Алексеевна (1861 — 1928) — писательница, близкая революционным кругам. Б о к л ь Генри Томас (1821 — 1862) — английский историк, социолог-детерминист. Все трое объединены Розановым в одну ветвь массового научно-литературного псевдопрогрессивного чтения.

⁴ Г о р н ф е л ь д Аркадий Георгиевич (1867 — 1941) — литературовед, библиограф, присяжный летописец текущей литературы. Р у б а к и н Николай Александрович (1862 — 1946) — книговед, библиограф, библиофил, изучавший проблемы социологии и психологии чтения.

31. М. О. Гершензон — В. В. Розанову

Москва, 12 апреля 1913 г.

Сердечно благодарю Вас за книгу, Василий Васильевич. Трудно мне с Вами говорить, но о книге скажу ¹. Вы сами знаете, что книга Ваша — большая книга, что, когда будут перечислять те 8 или 10 русских книг, в которых выразилась самая сущность русского духа, не миновать будет назвать «Опавшие листья» вместе с «Уединенным». Но вот, сверх того, мое частное впечатление. Ценность этих двух Ваших книг — в тех крупницах подлинного, которые в них есть. Но в них есть и не-подлинные частицы; не знаю, что это: игра с собою, соблазн эксцентричности или что — другое, но чувствую твердо. Скажу так: Вы запускаете руку в мешок и оттуда, из тьмы душевной, вынимаете орехи и подаете мне, читателю; я раскалываю — спелый, полный орех, ем — орех, несомненно; но на 5 орехов настоящих — шестой — имитация, не отличишь на вид: из картона!! Откуда он в мешке? И главное, как Вы в мешке, ощупью, не узнали его, взвешивая в руке? ведь он пустой, легкий. Вот мое впечатление. Но подлинного много, и оно горит и жжет.

Удивительно хорошо все, что Вы говорите о Вашей жене, и она сама, и о Ваших девочках, и они сами.

Ваш М. Гершензон.

¹ Речь идет об «Опавших листьях», т. 1.

32. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Около 12 апреля 1913»

Спасибо, дорогой Михаил Осипович, за слова о картоне, папье-маше: это то, что так нужно знать автору и авторам и чего почти невозможно услышать от «братьев-писателей», и по пощаде самолюбию, в сущности — по равнодушию. Шперк ¹ однажды мне сказал: «Ужасная вещь, когда писатель подражает самому себе», и тогда же я ощутил, как это важно. От него впервые я услышал это выражение, и чуть ли он сказал это не о Волынском. Ваши слова: «чувствую это твердо», и громада литературы, прошедшая через Ваши руки, душу и зрение — не оставляет сомнения, что в «Опавших Листьях» есть эти черты. Где? Не смею просить (у всякого мало времени), но если б на сон грядущий Вы, перелистав, поставили «л» (= ложно) около страниц, строк etc, и прислали мне экземпляр, — вы бы много мне дали. Я бы это изучил и глубоко вдумался. В «Монархии» я почувствовал почти сплошной картон: а как было живо тогда (когда писал) ². Жму руку. Я радуюсь, что при всех поводах к раздору (у меня — об евреях) мы продолжаем дружить. Кончаю письмо «со Слава Богу».

Хороших сливок и кулича!

В. Розанов.

¹ Ш п е р к Федор Эдуардович (1872 — 1897) — русский критик, философ, близкий друг Розанова.

² Речь идет о книге Розанова «О подразумеваемом смысле нашей монархии» (СПб. 1912).

33. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«14 апреля 1913»

Знаю, что у писателей — часть их — вечность их, т. е. что отнять от писателя или от отдыха — отнять от того, «зачем он пишет». И потому совестно вообще просить писателей, даже «обращаться к ним». Но преодолев «совесть» — еще раз пишу.

Все мне страшно драгоценно, что Вы пишете порицательно или отрицательно. У Вас такой громадный опыт, «наметался глаз», да и — древняя кровь. Вообще «суждения еврея всегда надо принять во внимание». Это уже закон.

Я начал корректуры, когда было растерялся, возможно ли и прилично ли повторение тона «Уединенного», посылал друзьям Цветкову и Флоренскому, и была мысль — послать Вам. Но обоим не написал того (я страшно рассеян), что дудело в голове: «чем Вы больше вычеркнете — тем спасибее». Это очевидно и есть Ваши «пустые орехи» (пишу, перечтя еще раз Ваше письмо¹). Т. к. Вы мне сказали в Петербурге, что вообще не скучали бы читать меня в корректуре, то уж на 3-ий год, если вообще позволю себе такое издавать (осталось, за год, 1/2 ненапечатанного, и кое-что — явно ценное), пришлю Вам. Будьте мне «милым человеком» и с гесерт.: чем больше вычеркнете — тем лучше (только поправки, по субъективности тона, не допустимы).

Ну, устал: 1-й день Пасхи.

В. Розанов.

¹ Письмо отправлено вдогонку предыдущему — его дата устанавливается в связи с упоминанием о Пасхе. Речь идет о письме Гершензона по поводу «Опавших листьев»

34. М. О. Гершензон — В. В. Розанову

16 ноября 1918 г.

Многоуважаемый Василий Васильевич,

Ваше обращение к читателям дошло мне до сердца¹. Я сам — один из них, но я сам теперь в нужде; ведь печатать негде.

Здесь образовался Профессиональный Союз писателей²; чрез него или чрез его влияние надеюсь в ближайшие дни устроить что-нибудь для Вас. Благодарю Вас очень за выпуски Апокалипсиса.

Ваш М. Гершензон.

¹ В конце 1917 — 1918 годах Розанов издал десять номеров своеобразного философско-публицистического журнала-трактата, посвященного жгучим проблемам современности, — «Апокалипсис нашего времени». Первый номер, прервав долгую паузу в переписке, он послал Гершензону с надписью:

«Михаилу Осиповичу Гершензону

В. Розанов.

В мучительной, 2.000-летней борьбе «Отрока возлюбленного, Израиля» — с Христом — в самом деле победил Отрок: и (Лейбниц): «всякое действие имеет свое достаточное основание».

Вот это-то я и буду искать.

Остальные выпуски не буду присылать. Берите в «Новом Времени», угол Неглинной и Кузнецкого моста» (собрание М. А. Чегодаевой).

В № 6 — 7 «Апокалипсиса...» появилось обращение Розанова «К читателю, если он друг» с мольбой о помощи: «Устал. Не могу. 2—3 горсти муки, 2—3 горсти крупы, пять круто испеченных яиц может часто спасти день мой.. Сохрани, читатель, своего писателя, и что-то завершающее мне брезжится в последних днях моей жизни».

² Союз писателей был организован в Москве в марте 1917 года; его председателем был избран Гершензон.

35. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«21 ноября 1918»

Родной, близкий Г., помогите, пощадите, соберите помощь, подписку¹. Нет сил, качка воды копейка 1/2 ведерками. Думал, лучше с коромыслом. Не сообразил: ведра покачиваются, все — неустойчиво, и ведра шатают тело, ноги подкашиваются. Бросил, а коромысло стоило 3 р. Голодно. Холодно. Кто-то добрый человек, разговорясь со мною в бане, сказал: «В. В., по портрету Бакста — у Вас остались только глаза»². Я заплакал, перекрестил его и, поцеловав, сказал — «Никто не хочет помнить». Он на завтра прислал целую сажень чудных дров, крупных, огромных. Увы, уехал в Вятку, и не знаю, вернется ли. Сын уже погиб, 42-й день, от «заработавшись» и простуды³. Собираю перед трактирами окурки: ок. 100 — 1 папироса. Затянусь. И точно утешен. Со мной больная жена и 2 дочурки, 23 лет и 19 лет. Не дают папке работать: но я стараюсь. 23 лет — бессильненькая, а 19 — уже года 4 страдает почками, и ей вредно качать воду и носить дрова⁴.

А мысль кипит. Вчера пришло о Страхове и о Хр^исте: «...праведный писатель... святой писатель... монастырь-писатель. Как ты прекрасен в своей старомодности. Я не оценил этого гениального выражения Флексера о тебе (раз в устном разговоре). Тень Пушкина пала на тебя, и ты вечно нежишься в ее прохладе. И, знаешь ли: как не зайдет тень Пушкина никогда из истории,— никогда и твое благородство и задумчивость не пропадет из истории русского слова». — О нем: —

Уйди, уйди, уйди.
Уйди, уйди, уйди.
О, если бы ушел ты, как благословилась
бы опять земля...
.....
И эллинская Эос
и опять 'αχορά, βονλή'
Троя, что-нибудь такое...
И боги, опять сходящие к
людям для деторождения.

«P.S.» Это даже цензурно при старой цензуре.

В. Розанов.

¹ Письмо является ответом на предыдущее письмо Гершензона с обещанием помочь Розанову.

² Портрет Розанова работы Льва Самойловича Бакста (1866 — 1924) хранится в Государственной Третьяковской галерее.

³ Речь идет о смерти сына Розанова Василия (род. 1899), умершего 9 октября 1918 года.

⁴ Дочери — Татьяна (1895—1975) и Надежда (1900—1956).

⁵ Народное собрание. совет (греч.).

36. В. В. Розанов — М. О. Гершензону

«Конец 1918»

Сим уведомляю с глубокою благодарностью, с неизъяснимою преданностью Максима Горького, он же Алексей Пешков, что я получил от него пересланные мне по почте деньги в сумме двух тысяч рублей через Мих. Осиповича Гершензона¹.
Сергиев Посад, Московская губ.,
Корсюковка, Полевая, д. Беляева.

Василий Вас. Розанов.

¹ Публикуемое письмо — подтверждение той роли, которую сыграл Гершензон в судьбе Розанова. Вокруг финансовой помощи Горького Розанову уже в 20-е годы стали плодиться противоречивые слухи: З. Н. Гиппиус, например, писала о том, что Горький приказал своим «приспешникам» отправить Розанову немного денег (Г и п и у с З. Н. Живые лица. Вып. 2. Прага. 1925, стр. 84). В рецензии на мемуары Гиппиус ее скорректировал В. Ф. Ходасевич: «...не было здесь, конечно, ни «приспешников», ни клеветов, никаких вообще тайн Мадридского двора. Просто — пришел ко мне покойный Гершензон и попросил меня позвонить Горькому по телефону и сообщить о бедственном положении Розанова. Я так и сделал, позвонив по прямому проводу из московского отделения „Всемирной литературы“» («Современные записки», 1925, т. XXV, стр. 538). Розанов был глубоко тронут содействием Гершензона. В так называемом «Письме к друзьям» (17 января 1919 года) он сообщал: «Гершензона благодарю за заботу обо мне, очень благодарю» («Литературная учеба», 1990, кн. 1, стр. 85); в письме Горькому от 20 января 1919 года: «Благородному Гершензону... глубокую благодарность за его посредничество и хлопоты...» (там же, стр. 87). В свете имеющихся фактов кажется излишней осторожность Евг. Ивановой и Т. Померанской, считающих, что Розанов лишь «приписывал эту заслугу» Гершензону (см. там же, стр. 72, 86). Остается неясным вопрос о полученной сумме. В письме Б. А. Садовскому от 3 апреля 1919 года речь идет о трех тысячах рублей («Вопросы литературы», 1987, № 9, стр. 238), в письме Розанова Горькому от 20 января 1919 года — о четырех тысячах («Вестник литературы», 1919, № 8, стр. 14), в публикуемом письме — о двух тысячах. Видимо, Горький высылал Розанову деньги и после акции, организованной Гершензоном. Гершензон не оставлял своим вниманием семью Розановых и после смерти писателя. Так, в марте 1923 года он через Л. Шестова организовывал посылку благотворительной организации АРА семье Розанова («Минувшее». Париж. 1988, т. 6, стр. 282).

